

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Анна КЛИМЕНКО

**ПРИНЦИП
ВЫСШЕГО ВЕДОВСТВА**

Анна Клименко

Принцип высшего ведовства

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=294092*

Аннотация

Как часто мы не верим в то, с чем до сих пор не сводила судьба. В то, что не довелось пощупать, осмотреть и досконально изучить под микроскопом. В то, что кажется выдумкой, пустыми суевериями.

А потом это неведомое, нерассмотренное и нетронутое догоняет тебя, заглядывает через плечо, обдает щеку холодным дыханием. Ты оборачиваешься, перед глазами темнеет от страха, сознание – возвращенное в садах нанотехнологий и Интернета – позорно уползает в темноту, словно улитка в свой домик.

Бегут мгновения. И то, что секунду назад казалось ожившим кошмаром, становится частью тебя. Далеко не самой плохой, даже наоборот. Ты осознаешь, что просто начинаешь быть чем-то иным, не человеком, и что в этом есть свои неоспоримые преимущества.

Это история обычной девушки, столкнувшейся с неизведанным. О двух друзьях, чья вражда длится вот уже несколько столетий. О колдовстве. И, конечно же, о любви, предательстве, прощении и обретении истинной свободы.

Содержание

Эрик	5
...Пусть продолжается бал	9
Инга	21
Эликсир любви	25
Андрей	42
Когда призраки правы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Клименко

Принцип высшего ведовства

Как часто мы не верим в то, с чем до сих пор не сводила судьба. В то, что не довелось пощупать, осмотреть и досконально изучить под микроскопом. В то, что кажется выдумкой, пустыми суевериями.

А потом это неведомое, нерассмотренное и нетронутое догоняет тебя, заглядывает через плечо, обдает щеку холодным дыханием. Ты оборачиваешься, перед глазами темнеет от страха, сознание – возвращенное в садах нанотехнологий и Интернета – позорно уползает в темноту, словно улитка в свой домик.

Бегут мгновения. И то, что секунду назад казалось ожившим кошмаром, становится частью тебя. Далеко не самой плохой, даже наоборот. Ты осознаешь, что просто начинаешь быть чем-то иным, не человеком, и что в этом есть свои неоспоримые преимущества.

Все это действительно так. Я могу подтвердить, потому что сама являюсь созданием, чуть большим, чем просто человек. Я – ведьма. И, смею вас заверить, я далеко не единственная в своем роде.

Эрик

Колдовство было его третьим «я».

К слову, второе «я» звалось Эриком, а первое, истинное, пряталось в глубинах прошлого, о котором временами хотелось навсегда забыть.

И оттого, что колдовство бежало по венам вместе с кровью, он без опаски распахнул дверь в квартиру, где остро пахло смертью.

...Два часа назад.

Мир съезжился до размеров столовой. Джейн испекла булочки с корицей и цукатами. В центре стола, на яркой скатерти с подсолнухами, стоял оранжевый керамический чайник – горячий, полный кипятка. Джейн любила добавлять в чай мяту, мелиссу и лепестки роз, и запахи эти вились над столом вместе с прозрачными завитками пара, вступая в негласное соревнование с ароматом свежей выпечки.

И, конечно же, *она* сидела там. С усталым, но довольным видом, положив локти на стол. Медные локоны были собраны в тугую косу, которая змеей пламенела на фоне черного свитера, спускаясь чуть ниже лопаток. А в широко распахнутых глазах двадцатилетней женщины плескался один-единственный вопрос. Вопрос, который Джейн носила в себе вот уже сколько лет.

Почему?

Иногда Эрику казалось, что она заключила сделку с домом. Когда Джейн уезжала – ненадолго, проверить, как идет бизнес в Европе – дом пустел, становился угрюмым и неприветливым. И это невзирая на постоянное присутствие Бернарда. Тогда Эрик старался проводить большую часть времени на работе, а домой навещался только для того, чтобы добрести до подушки и проспать до рассвета. Но стоило Джейн вернуться, как огромный особняк расцветал. В комнатах становилось светлее, носились в свете ламп золотистые пылинки, пахло апельсинами, розами и мятой, а еще – духами Джейн, совсем чуть-чуть. Дом радовался ее возвращению... Как будто назло собственному хозяину.

– Ты все-таки хочешь туда пойти? – тускло поинтересовалась она, положив упрямый подбородок на сцепленные пальцы рук.

Он не торопился отвечать. Молча взял белую фарфоровую чашку, из которой, по слухам, пил детоубийца Ричард Третий, сосредоточенно налил мятного чая.

– Это необходимо, Джейн.

Последовала просьба.

– Не ходи туда один.

– Ты за меня боишься? Или за себя? Ведь могу помереть раньше времени, – огрызнулся Эрик.

И тут же пожалел об этих невольно вырвавшихся злых и глупых словах. Свет в зеленых глазах Джейн погас, она обхватила себя руками за плечи, как будто в столовой гулял сквозняк.

– Не нужно так... со мной.

– Прости. Я не в себе. Вернее, правильно сказать – вне себя. Жду не дожусь, когда наконец будет позволено извести *вольных* до одного. Одни беды от этих самонадеянных выскочек.

– Не вижу особых бед, – Джейн упрямо оттопырила нижнюю губу, – их вина для тебя заключается в том, что они не торопятся покупать лицензию. Так?

Он медленно отставил чашку – чтобы, упаси господи, не пострадало историческое наследие – и попытался спокойно объяснить:

– Их вина, Дженнет, заключается в том, что из-за дурацких опытов умирают люди. В том, что из-за их необузданных желаний уже не один простой смертный отправился на небеса. Та, к кому я сегодня собираюсь наведаться, готовит вообще нечто экстраординарное – и лучше бы у нее ничего не вышло...

– Ты так заботаешься о простых людях, – насмешливо произнесла Джейн.

– Мне плевать на них, Дженнет. Но я люблю порядок, не больше и не меньше.

– Пожалуйста, не ходи туда один, – снова попросила она, хлопая длинными коричневыми ресницами. Ее губы сделались совсем белыми и бескровными от волнения.

– Сегодня моя ночь, мое дежурство. Ничего не поделаешь. Я бы предложил тебе прогуляться, но знаю, что с тебя толку будет мало – особенно там, куда я отправляюсь.

– Тогда не забудь подготовиться перед тем, как пойдешь... – беззвучно выдохнула Джейн.

Она поднялась из-за стола, текучим, плавным движением, и вышла из столовой, демонстративно цокая каблуками по паркету. Обиделась.

Эрик добрался до бара, налил себе пол стакана водки и залпом выпил. Спирт. Катализатор. Освобождает магию, стряхивает последние оковы с колдовства, кипящего в крови. Мера не обязательная, но желательная, особенно когда не знаешь, что ждет впереди.

...И оттого, что это самое колдовство весело бежало по жилам вместе с кровью, он без опаски распахнул дверь туда, где остро пахло смертью.

В самую обычную малогабаритную квартиру на втором этаже обшарпанной пятиэтажки.

Проклятые вольные. Они, видите ли, отрицают любой авторитет, не желают регистрироваться, презируют само существование лицензий, не думают о том, что надо бы учиться у тех, кто имеет опыт чародейства. И что в итоге? В итоге – оторванные головы, переломанные ребра, куски плоти, разбросанные по полу. Хорошо, если страдает только неумеха-чародей. Но всегда бывает, что первым с жизнью расстанется человек невиновный, то есть – *жертва*.

Предчувствие редко обманывало Эрика. Вернее, не обманывало никогда – но в одном вопросе все-таки не помогало, делая своего хозяина слепо-глухим.

Сейчас же интуиция буквально вопила о том, что последний акт трагедии уже завершился, и осталось только подчистить ментальные формулы и прибраться.

В узком коридоре было темно хоть глаз выколи. Стараясь не касаться стен (ощущение дешевых бумажных обоев на пальцах), перешагнув через брошенные посреди прихожей ботинки (кожаменитель и синтетический мех), он ступил на истертый коврик. Обострившиеся до предела чувства сделали свет ненужным: плотно закрытая дверь из крашеной фанеры, запах подгоревшей картошки с маленькой кухоньки, шорох тараканьих лапок по плинтусу. Воздух едва не потрескивал от напряжения, и если это остатки – то даже думать неприятно о том, что здесь творилось часом раньше.

Сквозь приоткрытую форточку донесся надрывной вой сирены, Эрик замер – а ну как соседи вызвали милицию? – но затем двинулся дальше. Пусть даже и милицию, черт возьми. Он сумеет объяснить свое присутствие в этой камере, и алиби тоже имеется.

Дверь, ведущая в зал, была запечатана. Неумело, как будто сумасшедший обмотал дверной косяк разноцветными нитками... кто знает, может, живущая здесь ведьма и не отличалась душевным здоровьем – иначе никогда не пошла бы на такое.

Эрик еще раз прислушался. За дверью – гробовая тишина, тянет кровавой горечью. Он неспешно, с отяжкой рубанул по цветным ниткам, они осыпались на пол гаснущими искрами. Затем Эрик широко распахнул дверь, и, оглядев представшую перед ним картину, выругался.

Все здесь красноречиво указывало на только что проведенный ритуал вызова потусторонней сущности: нарисованная мелком пентаграмма, оплывшие алые свечи и два обнажен-

ных женских тела, словно облитые черной глазурью. Ведьма и ее жертва, у одной разорвано горло, у второй чудовищная дыра в левом подреберье.

Он присел на корточки рядом с жертвой (почерневший след ментального тела), осторожно повернул ее лицом к свету. И шевельнулось в глубине памяти то, первое, истинное «я». Убивать, убивать их всех, как бешеных собак! Девушке было не больше шестнадцати, совсем еще ребенок, чем ее только ведьма соблазнила?! Хотя шестнадцать – это тот безрассудный возраст, когда сам себе кажешься бессмертным...

Перед глазами прыгали мошки. Ярость – безысходная, темная, колкотала ведьмовским зельем и требовала выхода. Было бы можно – уже занялось бы все пламенем. Но не спалить же всю пятиэтажку, а заодно и ее жителей только потому, что здесь объявилась одна само-надеянная дура, причислившая себя к так называемым «вольным»?

Глубокий вдох. Спокойный выдох.

Эрик медленно поднялся, прикидывая в уме, что здесь можно сделать и как замаскировать следы убийства – в этот миг что-то серой тенью мелькнуло на самой границе зрения. Мохнатое, огромное... Демон, черт его побери, который все-таки остался в этом мире. Не иначе как для того, чтобы доесть два еще теплых тела.

Бросок яркого, огненного, энергетического сгустка. Громкое, словно досадливое, тьяканье – и огромная туша, со звоном высадив стекло, тяжело шлепнулась на асфальт двумя этажами ниже, чтобы сбежать. А по пути рвать на куски все живое.

Эрик метнулся к окну, но только и успел заметить, как серое нечто, галопируя по асфальтовой дорожке, скрылось в недалекой рощице. Молоденькая ведьма, чей труп лежал в углу, все же преуспела: ухитрилась вызвать из-за границы бытия нечто особенное и весьма могущественное.

Ругаясь в полный голос, Эрик прогрохотал тяжелыми ботинками по темной и сырой лестнице, выкатился в слякотный мартовский вечер. Оставалось только молиться, чтобы монстр никого не встретил. Кто знает, какую силу влила в него жертва? Да еще и ведьма наверняка наделила его своим могуществом – иначе демон уже давно бы вернулся к себе, в свой план бытия...

Хвала судьбе, на улице было пустынно. Фиолетовые сумерки заполняли узкие улочки микрорайона, свежий ветер рвал воротник пальто, путался в рукавах. Эрик добежал до рощицы из десятка хилых деревьев, замедлил шаг. Из этого жалкого подобия сквера за версту несло демоном. Да еще каким!

Так, без паники. Зверь почти пойман. Осталось немного: захватить его в «клещи» и выбросить за пределы этого мира. Мелькнула мысль о том, что демон силен, непомерно силен – учитывая, что ушел после колдовской атаки... Эрик медленно, очень медленно двигался вперед. Где-то близко, в сплетении теней, под гнилым пеньком... Да-да, такая туша – и под пнем уместилась.

– Вот ты где, мой сладкий, – пробормотал Эрик, швыряя в дымчатую тварь еще один сгусток огня.

Из-под вспученных корней взвился столб черного дыма, мгновенно осел в жидкую глину и начал обретать форму гигантской мохнатой груши. Наверху, на маленькой голове прорезались два мерцающих глаза, бесформенный рот, полный трубчатых зубов...

Эрик зажмурился. Трудно рвать ткань мира, даже крошечную дырочку провертеть сложно. Особенно без предварительного ритуала. Сердце зашло в дикой пляске, перед глазами потемнело, во рту мгновенно собралась горечь, как будто разжевал желчный пузырь. Но бело-розовая мембрана все-таки поддалась, разошлась в стороны, открывая проход – туда, куда лучше и не заглядывать.

– Пошел вон, – процедил Эрик положенные в таких случаях слова, нацеливаясь пальцами в застывшего демона, – ты не от мира сего, убирайся!

Тварь дернулась, как рыба на крючке. Подалась в сторону, как Эрику показалось, к разрыву. Горло сжалось, вверх, к небу, покатила горячая волна – «ну давай, давай! Чего уставился?!!»

И Эрик гаркнул, выплевывая вместе с кровью:

– Пошел вон! Пошел...

Перед глазами, в стремительно сужающемся светлом пятне, мелькнула зубастая серая морда. Демон решил двигаться – но только не в сторону своего дома, а на врага.

«Его должно затянуть», – успел подумать Эрик, падая навзничь под неожиданно мощным ударом.

О себе колдун не беспокоился, и в темноте беспамятства таяло лишь сожаление о том, что не смог, не успел найти...

...Пусть продолжается бал

Мой день рождения, двадцать пятый по счету, удался на славу. Это значило, что коллеги поздравили, начальница, которую все за глаза звали Цаплей, задержалась после работы, чтобы отметить с нами. Разошлись около десяти – исключительно потому, что явился вахтер и принялся напоминать о необходимости очистить помещение. В результате я возвращалась домой почти в кромешной темноте, то и дело оскальзываясь в грязи и мысленно радуясь тому, что на ногах все-таки оказались кроссовки, а не вечерние туфельки на шпильке.

Хотя... что это я? Не люблю вычурной обуви на высоком каблуке. Кроссовки или мягкие кожаные туфли, вот что я предпочитаю на самом деле.

Я возвращалась домой.

В марте погода то и дело радуется либо дождем, либо мокрым снегом, но сегодня небо оказалось чистым, с россыпью далеких звезд и голубоватым рожком месяца. К утру могло и приморозить, а сейчас под ногами хлюпало и чавкало. Так бывает, когда после дождя переходишь место ремонта теплотрассы, которое каждый раз забывают заасфальтировать.

В кармане привычно тренькнул мобильник, пришло сообщение. Я приостановилась, добыла телефон – так и есть, поздравления от сестрички. «Дорогой Вареник, желаю тебе всего-всего, большой зарплаты и огромнейшей любви». Танюха, как говорится, ничуть не изменила своему амплу: она в миллионный раз обозвала меня вареником и, как минимум в сто десятый пожелала любви и денег. С ее точки зрения это как раз и были те самые две половинки счастья, которых не хватало старшей сестре.

Спасибо, Танька. Ты – единственный человек в этом мире, на которого я могу положиться как на себя. Невзирая на обидное, но уже привычное прозвище «Вареник». Я и не похожа ничуть на этот продукт из теста. Может, в детстве и было внешнее сходство, а теперь – нет, никакого... Разве что самую малость?

Я спрятала свой старенький, изрядно потрепанный жизнью мобильничек, и зашагала дальше. Под ногами звучно чмокала жидкая глина, но на сердце по-прежнему было тепло и уютно; давали о себе знать выпитое шампанское, конфеты, поздравления и мысли о том, что двадцать пять – это классный возраст.

Путь мой лежал сквозь жиденькую рощицу из нескольких ясеней, насквозь прошитую лимонным светом далеких фонарей, по грунтовой дороге, а затем – по старой брусчатке, до пятиэтажек. В одной из них я невероятно дешево приобрела квартиру, и, помнится, целую неделю находилась в эйфории от удачной покупки. Так и жила там, вот уже второй год. Все-таки это счастье, когда имеешь собственную жилплощадь.

Я отчаянно балансировала в хорошо вымешанной за день грязи и уже предвкушала, как улягусь под теплый плед с чашкой горячего чая и шоколадкой, как вдруг...

Нет, это просто не могло быть правдой. Наверное, померещилось.

Я замерла, судорожно вцепившись в сумку. Во рту внезапно стало кисло, а под ребрами все стянулось в болезненный узел.

В десяти шагах от меня, под ясенем, лежал в грязи человек. И дело даже не в том, что он неподвижно лежал – мало ли здесь бродит любителей распить бутылочку-другую? Но рядом... над ним... Нависало нечто. Серое, обросшее густым мехом. И – расплывчатое, словно кто-то напроць выкрутил у меня в глазах резкость.

Прошло мгновение.

Я поморгала, судорожно соображая, что делать дальше. Внятных мыслей не было, все они разом телепортировались куда-то в недостижимые дали, оставив меня одну, в полном недоумении и растерянности.

Существо – если, конечно, оно действительно присутствовало не только в моем воображении – зыркнуло в мою сторону, показало кошмарного вида зубищи... А затем отскочило от жертвы и метнулось в кусты.

Ни единой веточки при этом не шелохнулось.

Я на всякий случай потеряла глаза, наклонилась и подняла из грязи камень размером с кулак. Ну, мало ли что...

Во рту по-прежнему было мерзко, ноги подгибались, и пальцы сделались ватными, неловкими. Человек на земле не шевелился. Серая тварь больше не появлялась.

Господи, а что дальше-то делать?

Идти вперед – страшно.

Стоять посреди крошечной рощицы – и того страшнее.

Подойти к «телу»? И противно, и ненужно. И тоже... страшно.

Потому что в тот миг мне показалось, что свалила того человека совсем не бутылка дешевого самогона, нет. Я прямо-таки нутром почувствовала, что все дело в странном существе. Вспомнила небезызвестные «X-files». В панике огляделась, сжала крепче камень.

Что делать, что делать... Жить в роще не останешься. И вокруг вроде бы никого – ни людей, ни зверей, ни обросших шерстью монстров.

Я медленно, очень медленно приблизилась к жертве чудовища. Было темно, но у пятиэтажек горели фонари, желтые конусы резали мрак, словно желе, и потому я сумела кое-как разглядеть пострадавшего.

Темные, коротко остриженные и взъерошенные волосы, тщательно выбритый подбородок, лицо кажется белым, словно гипсовая маска. Черные брови вразлет, красивый, нервный нос с небольшой горбинкой. Из приоткрытых губ глянцево-змейкой тянулась кровь, и белоснежный свитер весь набух, напился этой кровью... Я выругалась. Господи, и как же хорошо день начинался! Двадцать пять, все еще впереди, коллеги уважают, начальство ценит. И тут – получите. Свеженький труп на ночь глядя. Что делать-то?

Холодея от ужаса, я присела на корточки, свободной рукой притронулась к шее мужчины. Кожа еще хранила тепло, но пульс, похоже, отсутствовал. Я начала тихонько покусывать от страха, повернула голову мертвеца набок. Черт! Черт... Красивый молодой мужчина... был... А теперь, теперь?... Милицию вызывать, что ли? Скорую? Хотя... на кой ему скорая? Хм...

Я кое-как нащупала в кармане куртки телефон, а сама все озиралась по сторонам. Вдруг опять появится серое нечто, которое – в чем я уже не сомневалась – убило этого парня? Но вокруг темнели только силуэты молодых деревьев, на шелковом небе блестел тоненький серпик месяца, и под ногами по-прежнему чавкала мартовская грязь... Я кое-как набрала заветное «02» – там, само собой, было занято. Начала было набирать «неотложку» – но тут же почувствовала, как онемела и замерзла рука, словно ее полчаса держали во льду.

– Не нужно, – донесся едва различимый шепот, – не нужно никому звонить.

Мамочки.

Я сдавленно пискнула, подалась назад – и, конечно же, села в лужу, в самом прямом смысле.

Недавний мертвец приподнялся на локте и смерил меня любопытствующим взглядом. – Не надо никого звать, – тихо повторил он.

Холодная вода пропитала джинсы, подобралась к пояснице – и это слегка отрезвило. Я кое-как поднялась, механически отряхнулась.

Черт.

Белый свитер очнувшегося трупа был в крови.

И воротник пальто напился, как губка...

А в черных блестящих глазах вдруг блеснуло любопытство к моей скромной персоне.

Наверное, в те нескончаемо долгие мгновения выглядела я дико.

– Пожалуйста, никуда не звони, – повторил он, видимо, сомневаясь в моей способности здраво воспринимать действительность, – если не трудно, помоги мне подняться. Не бойся, я... я ничего не пил. Ничего не курил и не колосся. Мне... просто стало плохо.

– А что это за монстр на вас... на тебя напал? – кое-как выдавила я.

Он вскинул брови.

– Ты видела монстра? – и как-то очень внимательно на меня посмотрел.

– Ну да, – я переминалась с ноги на ногу, – такое серое и лохматое... Может, все-таки милицию вызовем? Вдруг он вернется?

– Сомневаюсь, – парень вдруг нахмурился, – я ничего такого не помню. Ничего ты такого видеть не могла... не должна... не должна была спугнуть...

Последние слова он пробормотал очень тихо, как будто в глубокой задумчивости.

– Э-э-э, кажется, я не могла его испугать, – перед глазами так и стояли акульки зубы в два ряда, – но то, что вы... ты... не пострадал, это конечно замечательно.

– Помоги мне подняться, – попросил он быстро представился, – меня зовут Эрик.

– Валерия, – руки у него оказались горячими, пальцы – сильными.

Эрик оказался выше меня почти на голову, тяжело оперся на мое плечо.

– И куда... мы пойдем?

Я внезапно осознала, что пальто у него дорогое, кашемировое, а на запястье золотом блестят часы «Рад», которым цена несколько тысяч пресловутых «у.е.». Пахло от Эрика тоже чем-то дорогим. Вот вам и бомж-алкоголик...

– Помоги мне добраться домой, – тихо сказал он, – сегодня, похоже, особенный вечер... иначе и не скажешь.

Я тихо вздохнула. Похоже было на то, что этой ночью мне и вовсе не добраться до любимого дивана, а шоколадка так и останется лежать в холодильнике.

* * *

Такси, желтая с черными шашечками «Волга», приехала минут через десять. Пока я кое-как утрамбовывала Эрика на переднем сиденье, дородный и лысый таксист усердно помогал советами вроде «как бы всем разместиться, но не перемазать кровью салон».

А моему новому знакомому было плохо. Настолько, что он то и дело начинал соскальзывать в пропасть беспамятства, взгляд становился мутным, бессмысленным. Приходилось его трясти, тормошить, заглядывать в лицо – «Эрик, пожалуйста, давай доедем до твоего дома. Или, наконец, вызовем неотложку. Только оставайся с нами, не уходи».

Наконец мне удалось пристегнуть его, правда, теперь уже и рукав моей куртки оказался в липких бурых пятнах.

– Кресла мне измажете, – бурчал таксист, поблескивая толстенной золотой цепью на пороссячей шее, – платить-то есть чем?

Эрик шевельнулся, полез рукой в карман. В тусклом свете я увидела зелень купюры в сто евро, и новенькая хрустящая бумажка тут же перекочевала в ловкие пальцы водителя.

– Салон почистишь, – добавил шепотом Эрик.

– Куда едем-то? – казалось, таксист изрядно подобрел.

Эрик назвал адрес на окраине города, я забралась на заднее сиденье, и поехали. Благо, наш городок был по-прежнему невелик, и пересечь его от края до края можно было минут этак за сорок.

– Эк тебя, – таксист прочистил горло, готовясь к длительному монологу, – болен чем, что ли?

«Волгу» тряхнуло на ухабе, голова Эрика беспомощно мотнулась, и мне показалось, что он снова «уходит».

«Потерпи, потерпи до дома» – мысленно взмолилась я, а вслух мстительно сказала:

– Туберкулез. Открытая форма.

– Да ну-у, – протянул неуверенно таксист. Затем отодвинулся от Эрика насколько мог, приоткрыл свое окно и умолк. Никаких вопросов больше не задавал.

А я, глядя на белые пальцы Эрика, на его дорогие часы, крепко призадумалась. О чем? Да хотя бы о том, за что на меня свалились все эти приключения. Разумеется, кто-нибудь другой сказал бы – дура, счастья своего не понимаешь. Изловила принца почти что на белом коне и не рада. Ну, не на белом, конечно, но теперь уже было видно, что мой новый знакомый – из тех, что деньги не считает и уж конечно же не сидит целыми днями в офисе.

Да, верно. Другая бы особь женского пола уже прыгала бы от восторга, хлопала ресницами и писала на эриковой визитке номер своего телефона. Разумеется, алой помадой.

И в то же время... Чем дольше я наблюдала за Эриком, тем больше хотелось куда-нибудь сбежать. Подальше – чтобы не нашел, и чтобы никогда не встретить случайно. Желание это было странным, рвалось из подсознания, замирало в груди неприятным холодком. К чему бы?

Эрик не сказал и не сделал ничего плохого. Был безукоризненно вежлив – хотя в его положении по-иному и не получилось бы. Был... все-таки очень красив, но не той, классической красотой, которую мы встречаем на обложках глянца, отнюдь. Его привлекательность... Уже казалась демонической, темной. От него буквально исходили флюиды опасности, горькой как полынь, но одновременно желанной как глоток воды в жаркий вечер...

Что за бред!

Я передернула плечами и уставилась в окно. «Волга» бодро катила по полупустым улочкам небольшого города, и по моим подсчетам оставалось нам ехать минут пятнадцать.

Быстрый взгляд на Эрика – он уткнулся подбородком в грудь. То ли просто задремал, то ли в обмороке...

«Ничего, до дому доживет», – я прикусила губу, – «но что же с ним стряслось? Неужели тварь? Да еще, черт возьми, рядом с моим домом?! И вообще, что он делал в рощице? Совершенно один, без машины?»

В моем представлении обладатель часов «Радо» был просто обязан ездить на черном джипе с тонированными стеклами.

Эрик словно почувствовал мои мысли и взгляд. Встрепенулся, повернулся ко мне.

– Валерия... С тобой раньше ничего странного не приключалось?

Я пожала плечами.

– Да нет. Ничего такого...

– А среди родных? – с трудом выдохнул он.

– И среди родных тоже.

– Жаль, – он откинулся назад, – все было бы проще.

«Бредит?» – я поглядывала в окно.

– Почти на месте, – подал голос таксист.

– Очень хорошо, – холодно отозвался Эрик, – надеюсь, салон не сильно пострадал.

Воцарилось молчание. Мимо промелькнули серые, мутные силуэты одноэтажных домов, темно-красные трехэтажные коттеджи, которые появились здесь совсем недавно... И такси остановилась перед белокаменным забором в два человеческих роста высотой.

– Сюда? – на всякий случай уточнил таксист.

Эрик молча кивнул.

Последовала процедура извлечения Эрика из салона «Волги», затем машина укатила, сердито обдав нас выхлопами.

Ну вот. Сейчас произойдет появление Валерии Прекрасной во дворце. В мокрых и заляпанных жидкой грязью джинсах. Буду топтать по сверкающему паркету и оставлять мокрые следы. Черт!

Эрик медленно заковылял вперед, ощутимо опираясь на мое плечо. Пахло от него кровавой горечью и дорогим одеколоном, что наводило меня на мысли весьма и весьма нерастоятельного содержания. Мол, веду я домой маньяка...

Стоп. А почему именно маньяка? Откуда это странное, необъяснимое чувство опасности? Ведь жертву волоку на себе, человека больного, нуждающегося в помощи и сострадании!

Мы остановились перед ажурным плетением высоких ворот.

—Что такое? — тихо осведомился он, шаря в кармане, — ты дрожишь.

— Э-э, может, мне пора?

Надо же, он даже чувствует, как мне не по себе стало.

— Пожалуйста, пойдем. Сегодня ты будешь моей гостьей.

Я сглотнула.

Пойдем, как же.

Сейчас выбежит, стуча каблуками, жена. А за ней — выводок ребятишек, избалованных роскошной жизнью... Неприятная будет сцена. Потому как ни одна жена ни за что на свете не проникнется теплыми чувствами к женщине, *спасшей ее мужа*. Мне еще Танька об этом постоянно трещит, стоит только к родителям заехать. Все напоминает, как однажды помогла какому-то парню, ему плохо стало в автобусе, и как потом его белокурая супруга-ангел чуть глаза не выпарапала.

— Ты... не один там живешь? — осторожно спросила я.

Замок тихо щелкнул и открылся, пропуская нас внутрь, на широкий, отсыпанный мраморной крошкой подъезд.

— Конечно не один, — бодро заверил Эрик, — со мной живет Бернارد, что-то вроде эконома... И Джейн. Что-то вроде горничной.

— Джейн? Она что, иностранка?

— Бернارد — швейцарец, Джейн из Великобритании, — тихо подтвердил Эрик, чувствительно опираясь на мое несчастное плечо, — она хорошая девушка...

— Ну, не сомневаюсь, — буркнула я.

Я вовсе не планировала завоевывать сердце миллионера. Я бы многое отдала, чтобы очутиться сейчас на любимом диване, под теплым пледом, с чаем и шоколадкой.

И мне вовсе не нравилась перспектива собирать неприязненные взгляды всяких там... Джейн. В том, что они будут, я не сомневалась.

* * *

И как же я ошибалась!

В смысле, насчет неприязненных женских взглядов.

Стоило ключу повернуться в замочной скважине, как по ту сторону двери загрохотали тяжелые мужские шаги, и тут же эхом — звонкое тук-тук-тук, шпильками по твердому дереву. Эрик потянул на себя дверь, а в образовавшуюся щель тут же высунулась взлохмаченная голова мужчины лет пятидесяти. Я хорошо его рассмотрела: высокий лоб с залысинами, крупный нос, кустистые черные брови, из-под которых хитро поблескивали темные глаза. Черные, с проседью, бакенбарды... Мда. Как раз бакенбардам позавидовал бы и сам Базаров, бессмертный герой вечного конфликта отцов и детей.

– Херр Эрик, – произнес он растерянно. Окинул меня мимолетным взглядом, как будто я здесь присутствовала исключительно как деревянная подпорка для хозяина. – как же так, а? О, майн Готт, что же вы так?..

– Ну, вот так, – Эрик кивнул, –пусти нас.

Опомнившись, Бернард втопил нас в дом, ловко перенял у меня хозяина, и все продолжал причитать:

– Как же вы, херр Эрик? Вы совсем, совсем позабыли об осторожности! А что могло случиться... Я даже думать не хочу!

Я почувствовала спиной чей-то взгляд, резко обернулась – ну конечно! Рядом с пунцовой портьерой стояла молоденькая девушка, светлокочая и рыжая, как и подобает истинной англичанке. Она молча разглядывала меня, но на ее веснушчатом личике я не увидела ни тени ревности или злости. Смотрела на меня эта Джейн... Совершенно равнодушно. Почти как Бернард.

Воспользовавшись заминкой, я все-таки не удержалась, еще раз окинула взглядом горничную миллионера. А что, премиленькая девица, и фигурка что надо – совсем не тощая. Черты лица – приятные, губы – полные, соблазнительные, но сейчас равнодушно сомкнутые. Она была одета в черную водолазку и такие же брюки, яркие волосы повязала в два хвостика, совсем как школьница.

– Джейн. Позаботься о нашей госте, – донесся до моего слуха низкий голос Бернарда.

И тут английская куколка внезапно ожила, натянуто улыбнулась и шагнула навстречу, протягивая руку.

– Мисс... Nice to meet you! How are things? What's your name?

Язык туманного Альбиона я кое-как знала, за что меня и ценило начальство. Я осторожно глянула в светло-зеленые глаза Джейн, увидела в них исключительную скуку – ну как же, хозяин очередную девку привел! – и кротно ответила:

– Валерия.

– Pleasure to meet you... Lera, – вежливо улыбнулась Джейн. А затем, уже на неплохом русском, продолжила, – позвольте, я проведу... вас... в гостиную.

И Джейн потянула меня куда-то в сторону – тогда как Бернард уже поволок Эрика в противоположном направлении.

– Мм... Я бы разулась, – выдернув руку из нежных, но очень цепких пальчиков англичанки, я наклонилась, сбросила кроссовки.

Все-таки неприлично бродить по шикарному коврау в грязной обуви.

– Это так хорошо, что вы помогли хозяину, – равнодушно сказала Джейн, – один бы он так и остался... там...

– А что, с ним такое часто бывает?

Мы двигались по широкому коридору. И чем дальше я уходила от входной двери, тем сильнее было ощущение эакого погружения в век... Допустим, позапрошлый. Под ногами – ковер, стены – в деревянных панелях. Словно ветви в лесу, торчат по обе стороны канделябры. А свет – мягкий, золотистый, струится словно отовсюду. Впрочем, умело сделанная подсветка для меня была не в новинку. В наше время чего только не придумают! Пахло здесь... Корицей, апельсинами, мятой и хвоей, эакий рождественский букет ароматов, отчего-то навевающий мысли о сдобных булочках к свежесваренному чаю. Желудок вяло напомнил о том, что после всех треволнений можно было бы и подкрепиться, но – помилуйте! – не выпрашивать же еду у этой ледяной английской девы?

– Периодически, – сдержанно ответила Джейн, – в прошлый раз его с трудом нашли.

Мы остановились перед первой дверью, она распахнула ее передо мной, затем включила свет.

– Будьте любезны, подождите здесь. А я сейчас принесу кофе и бутерброды.

– Спасибо.

Джейн ушла совершенно неслышно, словно испарилась. Я же прошла вглубь гостиной.

В отличие от коридора, здесь все было ультрасовременным: темно-синий мягкий гарнитур, белые стены, такой же белоснежный ковер под ногами. Огромная плазменная панель на пол стены, стеклянный журнальный столик – мне сперва показалось, что кипа глянцевого журналов парит в воздухе, и только разглядев прозрачные ножки, я с облегчением вздохнула. На стене, под стеклом, висела небольшая картина, очень старая, судя по манере письма. Так писали Рафаэль и его ученики: изображение на полотне сильно походило на цветную фотографию.

Я подошла к картине ближе: на меня задорно взглянула кареглазая девушка. Каштановые волосы, блестящие и волнистые, обрамляли ее улыбающееся лицо. Ямочки на щеках, маленькая ямочка на подбородке, маленький чуть вздернутый носик. Шею украшали три нитки жемчуга, а сережек не было – но зато такой же прекрасный жемчуг светился в темных волосах, по кромке большого черепахового гребня.

«Интересно, кто это?» – я отошла от картины. На цыпочках. Как будто могла побеспокоить безмятежный покой улыбчивой красавицы.

А настроение вдруг испортилось, в голову полезли непрошенные мысли о скоротечности нашей жизни, и о том, что наверняка от этой девушки теперь остался лишь скелет да вот это лицо, навеки запечатленное на холсте...

От продолжения печальных раздумий меня спасла Джейн с подносом.

– Пожалуйста, садитесь. Кофе, бутерброды, сыр, ветчина, – бойко протараторила она.

Ох. Как же я сяду на этот прекрасный и дорогой диван, когда перед этим уселась в лужу?

Но Джейн, умница Джейн, помогла мне и тут:

– Хозяин просил вас переодеться, пока я приведу в порядок вашу одежду.

– А как он... сам?

– Он чувствует себя значительно лучше, – нейтральным тоном заверила Джейн.

И было совершенно неясно, сопереживает ли она своему хозяину. Вернее, я бы поставила вопрос не так: невозможно было определить, любит ли она его или... наоборот, ненавидит.

Я пощупала джинсы. Мокро и грязно, что правда то правда.

Но затеваться с переодеванием в чужом доме? В особняке мужчины, имя которого мне известно не более, чем час?

– Не беспокойтесь, Лера, – во взгляде Джейн впервые появилось нечто, похожее на сочувствие, – господин Эрик есть человек исключительной порядочности. Кажется, так это звучит по-русски. Он спустится сюда... Когда сможет. Чтобы вы чувствовали себя более комфортно, он предложил переодеться.

И я сдалась.

Потому что устала, потому что мне и правда хотелось немного отдохнуть на красивом синем диване, прикоснуться щекой к гладкой и мягкой обивке...

Через пять минут Джейн принесла мне совершенно новую махровую пижаму, удобные штаны и кофту с длинным рукавом. Она даже деликатно отвернулась, пока я облачалась в это одеяние. Оно оказалось чуть больше, чем нужно – но какая разница? И наконец я смогла присесть, взять чашку горячего кофе и тоненький ломтик хлеба с ветчиной.

– Отдыхайте, – Джейн подхватила мои несчастные джинсы, – но если интересно, можете осмотреть дом. Хозяин просил передать, что вы вольны прогуливаться...

И тут же подмигнула:

– Здесь можно увидеть много интересных вещей. Эрик... он большой любитель старины. Если, конечно, вам это небезынтересно.

Это был первый раз, когда она назвала его по имени.
В гостиной пахло апельсинами, корицей, кофе.

* * *

Я честно прождала до полуночи. Глаза слипались, желание свернуться клубочком и заснуть стало почти необоримым. И – тишина. В комнате, в доме. Никого вокруг, ни Джейн, ни Бернарда, ни Эрика.

К тому же, я теперь осталась без одежды и даже без сотового – он по недосмотру уплыл от меня в кармане куртки, которая, в свою очередь, была отдана в мягкие руки Джейн – «я почищу ее, Лера».

Что прикажете думать?

Мда. Ночка выдалась веселой: сперва мохнатый монстр, так и норовящий вцепиться зубами в шею Эрику, но помимо этого еще и расплывающийся перед глазами, затем – поездка через весь город, к белому сказочному дворцу, а теперь – вообще непонятно что. Ожидание, кажущееся бесконечным, в идеальной чужой гостиной, на пару со средневековым портретом неизвестной красотки.

И, спрашивается, зачем я сюда ехала? Правильно. Потому что меня об этом попросил человек, явно нуждающийся в помощи. Не зря мне еще в школе подружки говорили – ну, Лерка, тебя твоя доброта когда-нибудь так подведет, что сама не рада будешь. И не зря Танька дразнила Вареником. То есть существом мягкотелым, добродушным, которое не сопротивляется, а спокойно повисает на вилке – ровно до тех пор, пока не попадет кому-нибудь на зуб.

Вот оно, похоже, и случилось. То, о чем предупреждали. Непонятная и нехорошая история, в которую я ухитрилась вляпаться.

Мои мысли как-то сами по себе вернулись к Эрику. Перед глазами так и стояло белое лицо, серые губы, тонкая струйка крови по подбородку. Благородное, породистое лицо – но вместе с тем... Рядом с Эриком я ощущала себя как будто не в своей тарелке. И дело тут было вовсе не в дорогих вещах, не в шикарном доме, похожем на замок сказочного принца... Ой, а принца ли?

Красавица и чудовище, вот как называлась эта сказка. Монстр, прячущийся среди красивых декораций, золотая посуда на столе – и чудовище за портьерой...

Я тряхнула головой. Господи, откуда такие мысли-то? Чушь, бред. Наверное, мне пора вздремнуть, но как заснешь в чужом доме?..

И я отправилась на поиски хоть кого-нибудь – разумеется, тут же заплутав в бесконечных анфиладах темных комнат.

Сказать, что дом был великолепен – значило не сказать ничего. Двадцать первый век остался где-то там, снаружи – с его минималистик техно, пластиком, хромом, обтекаемыми, летящими формами. А здесь... Здесь царила старина. Чем дальше я вдавалась вглубь особняка, тем старше встречались предметы. Гобелены, коллекция мечей, настоящая средневековая люстра на потолке, бронзовые канделябры, тяжелая деревянная мебель с резными ножками, даже клавесин, на котором слабый отблеск далекого фонаря высветил пустую птичью клетку. Джейн не обманула: Эрик действительно оказался большим любителем старины... И средневековья.

В каком-то из ответвлений коридоров я набрела на большое зеркало, подсвеченное светодиодами в раме. Навстречу из полумрака выплыла растрепанная девица в светлой пижаме. Я критически осмотрела поплывшую тушь, покрасневшие глаза, засохшую кровь на бледной щеке – ну хоть бы кто-нибудь предложил умыться... Видок еще тот. Исключительно для соблазнения миллионеров, не иначе.

Я хмыкнула.

Интересно, когда я встречу хоть одну живую душу? Или я обречена блуждать здесь до судного дня, рассматривая собрание средневековых раритетов?

– Доброй ночи, прекрасная госпожа.

Хм. Это было более, чем странно – учитывая мой плачевный вид и место работы. Никакая не госпожа, и уж тем более не прекрасная... Самый обычный дизайнер, провожу дни в офисе, медленно теряю зрение за компьютером. А если учесть, что обратилась ко мне женщина...

Я обернулась: в дверном проеме стояла молодая девушка в светлом платье, донельзя похожем на ночную сорочку. Кудрявые волосы свободно рассыпались по плечам, лицо пятном белело в мягкой полутьме.

– Эммм, – я промычала нечто невразумительное.

Вот вам и встреча, вот вам и почтенная супруга миллионера – или, на худой конец, любовница. Девушка быстрым шагом, едва касаясь пола, приблизилась, робко улыбнулась, отбросила назад непослушную прядку...

А мне... мне захотелось завизжать. И бежать куда подальше, из этого странного места. Передо мной стояла незнакомка с портрета, сомнений быть не могло. Призрак?

– Доброй ночи, – внятно повторила она, хлопая ресницами.

Да нет же, нет.

Призраки – они прозрачные, гремят цепями, подвывают, пугают туристов в замках – но, уж конечно, не разговаривают и доброй ночи не желают.

И потом – тут я мысленно обозвала себя дурой – портрет в гостиной может быть не так уж и стар!

Я быстро вдохнула-выдохнула, улыбнулась в ответ.

– Извините, что я сюда забрела. Но я здесь... заблудилась. Пошла поискать кого-нибудь из прислуги, мне домой пора... И вот...

Меня выслушали – очень внимательно, но с какой-то непонятной тоской во взоре.

– Вам не нужно здесь находиться, госпожа.

– Да я это и сама понимаю! – а что еще ей скажешь? – но мне бы найти кого-нибудь... Не можете?

– Вы... с *ним* сюда пришли? – вдруг осведомилась девушка и сразу же нахмурилась, – если *он* вас привел, то вы должны бежать. Так быстро, как только сможете, потому что...

Я похолодела. Ну вот, началось. Предупреждали же мои подруги...

– Эрик... он...

Я только хотела уточнить, не маньяк ли владелец особняка, но личико незнакомки вдруг исказилось такой яростью, что я невольно попятилась.

– Вам нужно бежать, – растерянно повторила она, – немедленно. Вы даже не представляете, во что вас вовлек этот мерзавец!

– Может, скажете? – я все еще пыталась хранить самообладание.

Вместо ответа красавица распустила ворот ночнушки, повернулась ко мне спиной – а мне пришлось поспешно опереться о стену. Чтобы не упасть.

Белая кожа до самой поясницы была исчеркана багровыми рубцами так, словно...

– Кнут, – спокойно пояснила девушка, – и каленое железо.

– Это... Эрик?... – судорожно выдохнула я, все еще отказываясь верить собственным глазам.

– Не он, – безмятежно ответила несчастная, – но по его приказу.

Перед глазами вдруг поплыло, ноги сделались ватными, непослушными. А что, если... Если сейчас он готовится... Прodelать все это со мной?! Господи, ну и угораздило меня!

– Ох, – незнакомка уверенно схватила меня за локоть, – пойдем со мной, госпожа. Ты должна уйти, понимаешь? Соberись с силами...

– Да, да... – я с трудом сглотнула горькую слюну, сделала крошечный шаг.
Как же так? Как же... со мной, обычной мной – и такое?..

– А ты? – я в упор поглядела на красавицу с картины, – почему ты не убежишь?
Она вяло качнула головой, уголок красивого рта скорбно дернулся.

– А я... я не могу уйти. Я все сплю, сплю... Но когда узнала о тебе, то не могла не проснуться...

– Как тебя зовут?

– Малика. Когда-то...

Девушка поспешно прикусила язык, подтолкнула меня вперед.

– Беги, тебе туда. Выберешься в окно. Торопись!

В лицо повеяло прохладой – но не весенней свежестью, а промозглым дыханием склепа.

– Беги! – взвизгнула за спиной Малика, – он уже идет!

И тогда, едва соображая, что делаю, я побежала.

Сквозь темноту, к замаячившему в отдалении окошку, к черному перекрестью на фоне звездного неба.

А потом что-то метнулось навстречу, высокий силуэт, я вскрикнула от неожиданности и... замерла в руках Эрика, упершись кулаками ему в грудь.

– Что с тобой? – ласково поинтересовался маньяк, – что тебя... так напугало?

* * *

Не паниковать. Не паниковать. Если психопат видит, что ты его боишься, это придает ему храбрости... Кажется, так говорят – но, Господи, как же трудно держать себя в руках! В то время, когда *тебя* в руках держит чудовище, исполозовавшее спину молодой ни в чем не повинной девушки...

Он с интересом заглянул мне в глаза. Терпеливо повторил вопрос.

Главное – заставить себя говорить, спокойно, размеренно, как будто Эрик здесь совсем не при чем.

Я чувствовала тепло его рук на талии, ощущала дыхание с терпким привкусом какого-то лекарства. И в тот миг, когда мутная волна паники почти накрыла меня с головой, в мозгу выкристаллизовалась совершенно безумная и неуместная мысль.

А что было бы, поцелуй он меня сейчас?

Мама дорогая, я схожу с ума...

Тут же выяснилось, что моя шальная мысль оказалась куда действеннее пощечины, укуса за нос и удара коленом в пах вместе взятых.

Стоило подумать о поцелуе, как маньяк тут же меня отпустил и даже – как мне показалось – попятился. Это воодушевляло. Я тут же попыталась напустить на себя вид нашкодившей ученицы и начала мямлить о том, что пошла искать «кого-нибудь» и заблудилась среди всех этих коридоров и комнат.

– Ты неслась к окну так, словно за тобой черти гнались, – Эрик смерил меня недоверчивым взглядом.

Не-а. Похоже, он не поверил ни единому моему слову, принимая игру.

– Мне показалось, что *там* кто-то есть, – я неуверенно ткнула пальцем себе за спину, и тут же пожалела.

– Пойдем, посмотрим.

Он взял меня за руку и решительно двинулся вперед. Боже мой, а если мы сейчас наткнемся на Малику, и Эрик тут же поймет, что я испугалась именно ее искалеченной

спины?! Тогда точно, не уйти мне отсюда живой. И эти дьявольские глаза будут последним, что я увижу в этой жизни.

– Нет! – я почти взвизгнула, уперлась ногами в пол, – я лучше вернусь... в гостиную...

– С тобой точно все в порядке? – в потемках мне было трудно разглядеть выражение его лица. Но голос, голос... Эрик попросту посмеивался надо мной.

– В порядке, – недовольно буркнула я и выдернула пальцы.

– Вот и хорошо, – тихий смехок. А затем... – Ты даже не представляешь себе, на кого похожа.

«На себя бы посмотрел час назад», – мысленно огрызнулась я.

– Распускающийся тюльпан. Запаха еще нет, но лепестки вот-вот развернутся, и... Впрочем, – добавил он совершенно будничным тоном, – пойдем, я проведу тебя в гостиную. Мне нужно закончить кое-какие дела, а потом я вернусь... И нам нужно поговорить. Очень серьезно.

Эрик развернулся и быстро пошел вперед. Я – за ним, поминутно оглядываясь и содрогаясь от одной только мысли, что снова увижу светлое платьице Малики. Мы быстро миновали комнату, увешанную старинными портретами в резных рамах, прошли по коридору в деревянных панелях, мимо доспехов средневекового рыцаря, мимо коллекции кинжалов в дорогих ножнах...

Любитель средневековья, да уж. И все-таки, а если бы он меня поцеловал?

Господи, я начинаю тяжело бредить. Это все бессонная ночь, стрессы, переутомление на работе...

Как-то незаметно мы вернулись к гостиной.

– Входи, – Эрик галантно распахнул передо мной дверь, – пожалуйста, подожди меня. Разговор у нас будет... Не очень-то приятный, но... об этом поговорить просто необходимо, пока с тобой чего не стряслось.

Я проводила его взглядом, затем пулей влетела в комнату и закрыла за собой дверь. Разговор, как же! Небось, пошел за плеткой-семихвосткой. Черт, вот это меня угораздило!

Пока мой взгляд метался по гостиной, а я судорожно придумывала, что делать и как себя вести дальше – чтобы вернуться с этого полуночного бала живой и невредимой, руки сами нашли себе занятие. Через несколько минут я опомнилась: оказывается, пальцы нервно теребили замочек куртки, которую – ура! – вместе с джинсами положили на спинку дивана.

Наверное, Джейн... Разумеется, откуда ей знать, что я раскрыла страшную тайну ее хозяина? И теперь уже мне стало окончательно ясно: англичанка ненавидела Эрика, вот откуда вся ее холодная сдержанность, скука во взгляде – ну как же, очередная жертва хозяина. Сколько их уже было, а сколько еще бу-удет!

Я трясущимися руками сбросила пижаму, прыгнула в джинсы, набросила куртку.

Бежать, бежать отсюда!

Я осторожно просунула голову в дверь. В коридоре было пусто, тихо и темно. Медленно, вздрагивая от каждого шороха, я на цыпочках пробралась до поворота. Ага, вон и входная дверь, и мои грязные кроссовки на соломенном коврике.

Дальше – просто. Дом оказался не заперт, Бернард впопыхах только щеколду задвинул. Я выскользнула на крыльцо, прилипла на миг к мраморной облицовке... Погони не было, над особняком по-прежнему висела сонная тишина, и даже в окнах не горело ни огонька.

Вот и прекрасно!

Уподобляясь спринтеру, я рванула к воротам, словно обезьяна, вскарабкалась по ажурной решетке. Перебросила ногу – и наконец очутилась на свободе.

Ф-фух! Живая. Отделавшись легким испугом.

...Но даже когда я рысью неслась к ближайшему переулку, тело предательски напоминало о тех мгновениях, когда руки Эрика лежали на моей талии, а его темные, блестящие глаза смотрели прямо в донышко души.

* * *

Домой я добралась в предрассветных сумерках.

С трудом попадая ключом в замочную скважину, отперла дверь. Скинула куртку, топала на кухню. Там на столе меня сиротливо дожидался последний блинчик со сгущенкой, заглянула в холодильник – на полке, завернутый в полиэтилен, уютно желтел кусок сыра. Замечательно! Я – дома...

Теперь – спать, только бы не забыть про будильник. Цапля не любит опозданий, а я не люблю скандалы по поводу оных...

Я свернула блин в трубочку и, откусывая его на ходу, побрела к дивану. Скинула плед, кое-как выбралась из джинсов, расстегнула рубашку. Теперь – будильник. Затолкав остатки блина в рот, я вжала кнопку в черную макушку электронных часов. Взгляд случайно скользнул по стене...

Сложно, очень трудно заставить себя не кричать. Замереть неподвижно, не шуршать, не скрипеть половицами. И в то же самое время одной рукой дотянуться до бейсбольной биты, которая вот уже сколько лет валялась за подлокотником дивана.

Балконная дверь была чуть приоткрыта – и как же я сразу не заметила? – а дальше, снаружи, сквозь опущенные жалюзи мутно вырисовывался плечистый силуэт.

Наверное, следовало как можно незаметнее убраться из квартиры и вызвать милицию. Но входная-то дверь была заперта, как положено, на два оборота?! Выходит, кто-то решил забраться ко мне через балкон?

И тут меня одолела злость. Ну что за напасти? Сперва – мохнатые монстры, потом – замечательная ночка в доме маньяка и садиста, а теперь, теперь... Воришка! Да еще на моем дорогом балконе!

– Ну, сейчас ты получишь, – яростно прошипела я.

Состояние у меня было, наверное, как у тех берсерков, которые грызли щит и резали себе грудь ножом. Ни единой здоровой мысли о том, что грабитель может быть сильнее меня. Или о том, что у него может найтись какое-нибудь оружие... огнестрельное, к примеру...

Завизжав так, что у самой заложило уши, я дернула на себя балконную дверь, замахнулась битой...

Передо мной во всей красе стоял голый мужик. На низком стульчике, которых полным-полно в детских садах. Голова его, лысая и гладкая словно бильярдный шар, была продета в петлю. Конец веревки он добросовестно привязал к выступающему сверху куску арматуры.

– Приветствую, – ехидно сказал этот субъект.

И, не успев я что-либо предпринять, сделал последний в своей жизни шаг, с грохотом опрокинув детский стульчик.

Я с трудомхватила утреннего мартовского воздуха. На фоне дергающихся пяток весело краснел мухомор, нарисованный на сиденье. А потом резко и внезапно накатила темнота.

Инга

Она терпеть не могла дни, прожитые впустую.

«Впустую» – это когда час бежит за часом, а ничего интересного не происходит. Ни встреч, ни ритуалов, ни секретных заданий! Все, что остается – многочасовой марафон по магазинам, приятная тяжесть пакетов в руках и осознание того, что сколько ни набирай платьев, симпатичных пиджачков и умопомрачительных маечек, денег в кошельке не убудет ни на грамм. В конце концов, не сложно заставить продавцов думать, что ты расплатилась за покупки. Главное при этом – не заходить слишком часто в одни и те же магазины.

Инга вертелась перед зеркалом. На этот раз великолепной оберткой для ее не менее великолепного тела стали серая мини-юбка и вязаный серебристый свитер. Вокруг вилась молоденькая продавщица, миниатюрная брюнетка с наивными карими глазами.

– Вам очень даже к лицу, девушка. Берите, у нас до середины апреля скидки.

– Думаете? – Инга окинула свое отражение пристальным взглядом. На нее с вызовом глянула шикарная длинноногая девица в серебристо-сером.

Конечно, и юбка, и свитер были хороши, а сама Инга в них – еще лучше... Но как приятно слушать комплименты в свой адрес!

– Уверена, – радостно откликнулась продавщица, – у вас поразительная фигура. Вы, случайно, не модель?

Услышав отрицательный ответ, девушка вздохнула с легким разочарованием, но тут же улыбнулась.

– Ну так что, берете?

– Беру.

Инга подмигнула собственному отражению. Хороша, ничего не скажешь! И плевать на то, что у девчонки вычтут из зарплаты кругленькую сумму. Жизнь, в конце концов, одна, и надо прожить ее красиво.

Весьма довольная собой, Инга вышла из магазина и, цокая каблучками по мокрому асфальту, устремилась в аптеку. За анальгином. Потому что головные боли участились в последнее время. Но одно дело, когда просто случается мигрень, и совсем другое, когда она сопровождается странными и неприятными видениями.

«Не хочешь галлюцинаций – избавься от головной боли», – здраво решила Инга.

Тем более, что видения были откровенно неприятными. В них Инга видела себя распростертой на неструганном досчатом полу, в распахнувшемся махровом халатике, который почему-то надет поверх рубашки и джинсов, а помимо этого – мертвой. Да, она видела себя совершенно, абсолютно бездыханной! Понятно, что после таких глюков побежишь за анальгином...

Звякнул приветливо колокольчик над дверью, в лицо пахнуло мятой и валерьянкой, словно кто-то разбил пузырек с лекарством. В светлой аптеке было чисто, светло и пусто – лишь одна покупательница у окошечка. Инга уверенно процокала по плитке, стала рядом с девушкой. Продавщица куда-то отошла, оставалось только ждать и глазеть по сторонам, и ведьма от нечего делать принялась разглядывать стоящую впереди молодую женщину.

Среднего роста, она казалась довольно изящной в черном классическом костюме. Яркие рыжие кудри рассыпались по плечам – тут Инга подумала, что в следующий раз перекрасится именно в такой цвет, медово-медный. Девушка почувствовала на себе взгляд, обернулась и окинула Ингу дружелюбным взглядом. А та вдруг ощутила неприятное покалывание под ложечкой.

Черт!

Да ведь эта рыжая была совсем не тем, кем хотела казаться!

Инга невольно попятилась, а девушка, хмыкнув, снова отвернулась.

Да-а, вот уж встреча так встреча...

Мысли суматошно запрыгали в голове. Ведь все дело в том, что мгновением назад она точно прочувствовала туманные, сумрачные слои ментального поля незнакомки. Всего один взгляд в головокружительную глубину, в темную пропасть, на дне которой кипят страсти... Но этого хватило с лихвой.

А незнакомка «закрылась» с поразительной быстротой, как будто резко захлопнула старую книгу, подняв при этом тучи едкой пыли.

«Что ж делать-то?» – Инга переминалась с ноги на ногу.

Существующие правила предписывали хотя бы узнать имя новой ведьмы. Может быть, она приезжая, и не будет задерживаться в городе, а там – кто знает...

– Прошу прощения, – вежливо и церемонно сказала Инга, – могу я узнать ваше имя? откуда вы и что собираетесь здесь делать?

Рыжая обернулась и с насмешкой посмотрела на Ингу.

– Прошу прощения, – передразнила она, – я не понимаю, о чем вы. Зачем вам мое имя? Да и какое вам дело до моих планов?

– Но ведь... – Инга неожиданно смутилась.

Теперь, минутой спустя, незнакомая ведьма в ее восприятии выглядела совсем как обычный человек. Любопытно, сколько лет нужно прожить, чтобы научиться так искусно маскироваться?

– Мне кажется, вы ошиблись, – медленно, с нажимом произнесла рыжая, – наверное, с кем-то меня спутали.

Она уверенным жестом поправила ворот пиджака и вышла из аптеки, так и не дождавшись продавщицы. Инга хотела пойти следом, но передумала. В конце концов, пусть старшие ломают голову над тем, что делать с приезжими – а ее, Инги, дело маленькое. Купить пачку анальгина и отправиться домой.

...Через три часа, вдоволь нагулявшись, Инга вернулась в свои изысканные и роскошно обставленные хоромы. Бросила в прихожей сумку, освободилась от тисков модной и совершенно неудобной обуви. Рыжая ведьма, странная незнакомка, упорно не желала выветриваться из головы, неожиданно заняв собой все Ингины мысли и спровоцировав легкую мигрень. Ну, а где мигрень – там и нехорошие галлюцинации.

«Где-то я ее уже видела», – подумала ведьма, торопливо глотая таблетку анальгина, – «но где, где? Где?!»

– Привет, – вяло поздоровалась она, глядя на серо-зеленый мужской силуэт сквозь бок стакана.

– Что-то мы не в настроении, – насмешливо отозвался силуэт, – и тебе привет.

– Ты как вошел?

Инга спокойно поставила стакан (чешского стекла, между прочим) на край стола и окинула гостя недовольным взглядом. Звали его Андреем, и последние лет тридцать он успешно изображал средней руки бизнесмена.

– А то не знаешь, как, – в изменчивых, как море, глазах запрыгали веселые искорки.

Это означало, что Андрей попросту вскрыл дверь своим ментальным полем.

– Скотина ты, – беззлобно ругнулась Инга, – когда-нибудь замок мне сломаешь.

И снова подумала о том, что где-то она уже видела странную незнакомку. Где-то недалеко, даже не выходя из собственной квартиры. Но где? Вот бы вспомнить.

Андрей, усмехаясь, добыл из шкафа банку растворимого кофе.

– Выпьешь чашечку? Я смотрю, у тебя опять с головой нелады, Ингуся? Но ты все равно отлично выглядишь, прямо королева.

– Еще и подхалим к тому же, – вяло огрызнулась Инга.

Она села на диванчик, откинулась на спинку и закрыла глаза. Треклятая головная боль отползала, пряталась, будто Змей-Горыныч в пещеру. Хорошо, что есть на свете такая замечательная вещь, как анальгин.

«Ну где же?..»

По кухне поплыл аппетитный запах кофе. Клацнула дверь холодильника.

– Ветчины? – тихо поинтересовался Андрей.

– Лучше шоколада, – выдохнула ведьма, – там, на нижней полке...

Самочувствие помаленьку улучшалось. Инга сонно подумала о том, что все-таки это была удача – повстречать Андрея, такого мудрого, сдержанного... И в то же время романтического, даже чересчур для этого века стали и пластика. Впрочем, они ведь всегда были друзьями. К чему портить и без того прекрасные взаимоотношения тревожной и непостоянной любовью?

Мысли как-то сами собой совершили странный кульбит и снова бросились к встреченной незнакомке.

– Я сегодня новую ведьму видела, – поделилась Инга. Вслушалась в заинтересованное молчание Андрея и продолжила, – она явно не здешняя. И, знаешь, у меня сложилось очень странное впечатление о ее Даре.

– Ты же говорила, что не можешь читать ментальные поля?

– Ну, да, не умею, – Инга открыла глаза. Андрей сидел напротив и помешивал ложечкой свой кофе, – но здесь дело не в том, вижу или нет. В общем, как бы сказать, восприятию. Короче, я увидела молодую женщину, которая является ведьмой, причем ведьмой сильной и старой... Судя по тому, как она быстро закрылась и спрятала все то, что не предназначено для глаз прочих колдунов.

– Любопытно, – сдержанно сказал он.

– А еще я точно знаю, что где-то я ее видела. Меня мои ощущения редко подводят.

– Что-то не вяжется, – Андрей неторопливо отпил кофе, – она нездешняя, ты ее вроде как никогда не встречала... И в то же время говоришь, что...

– Лицо ее мне знакомо, – буркнула Инга, – недавно я уже где-то видела подобное.

И вдруг – как будто кто-то локтем толкнул в бок.

– О! Вспомнила!

Инга вскочила, едва не смела на пол расставленные чашки с рисунком из кофейных зерен, и метнулась в спальню. Где же они, где?

Спустя несколько минут она стояла на четвереньках в углу, раскидывая стопку новеньких журналов. Подошел Андрей и спокойно остановился рядом.

– Инга, все в порядке?

– Еще как! – она задорно швырнула в него тяжеленьким «Cosmo», – все, нашла! Иди сюда, сейчас узнаем, что это за цыпа забрела к нам в городок.

Подобрав под себя ноги, ведьма перелистывала страницы, пока не добралась до нужной.

– Вот. Ну, конечно, не она – но очень похожа.

– Ммм... – вежливо протянул Андрей, – честно говоря, не знаю что и сказать. Мне эта версия кажется чересчур... экстравагантной, что ли.

– Может, эта ведьма – одна из потомков? – предположила Инга.

Но уверенность растаяла сама собой. На глянцевой странице журнала была напечатана репродукция портрета одной рыжей женщины, а подпись гласила: «Елизавета Вудвилль, 1437-1492».

– Сомневаюсь, – Андрей пожал плечами, – ты сама подумай, Инга, все мы на кого-нибудь да похожи. А портрет мог быть изрядно приукрашенным, сама понимаешь. Не понравился бы заказчице – и отправляйся, художничек, на плаху. Или на виселицу.

– Н-да, – выдохнула Инга, – королева, как-никак. Тут написано, что жена Эдуарда Четвертого Плантагенета.

Они помолчали. Потом Андрей тихо сказал:

– Может, поедem прокатимся?

– Она мне все равно очень не понравилась, та ведьма, – пробормотала Инга, – было в ней что-то... мутное, неприятное...

– Для этого есть старшие. И, кроме того, сама-знаешь-кто.

Андрей легонько обнял ее за плечи, посмотрел в глаза.

– Ну, поехали, что ли? Я смотрю, ты совсем раскисла.

– Раскиснешь тут...

Но все же она послушалась. Денек выдался неплохой, теплый и даже без дождя – а в марте это, можно сказать, подарок от небесной канцелярии.

Запирая свое жилище, Инга глянула на дверь квартиры напротив. Обычную такую, обитую лакированными деревяшками. Посмотрела – и вдруг ощутила, как во рту собирается отвратительная горечь.

Она снова лежала на грязном досчатом полу, в распахнувшемся махровом халатике. И была окончательно, бесповоротно мертва.

Эликсир любви

Самым трудным оказалось открыть глаза. Ресницы слиплись, веки налились – не глаза, щелки.

Надо мной плавно, словно лодка на реке, покачивался белый потолок. Не оклеенный обоями, как дома, а беленый, с узорчатой черной трещиной наискосок.

Я повернула голову набок – тут же дернула в затылке острая боль, хлестнула и замерла. Щеки касалась грязно-белая застиранная наволочка, взгляд уперся в нежно-зеленую стену.

Где это я?

А самое главное, кто меня сюда притащил?

Стиснув зубы, я кое-как повернула голову в другую сторону – и первый вопрос мгновенно отпал: вокруг чинно стояли больничные койки, некоторые пустовали, кое-где лежали забинтованные и загипсованные женщины. Рядом скрипнул стул, я сделала над собой запретельное усилие – исключительно, чтобы увидеть носок ярко-фиолетовой лакированной туфельки.

– Ой, Лерка, ты пришла в себя!

Угу. Все понятно. За исключением разве что того, каким образом моя соседка проникла в запертую изнутри квартиру. Или... Я орала так, что сердобольные тетki вызвали милицию и взломали дверь?

– Лерка, Лер, ну как ты? – затеребила меня Инга.

Вспомнилось налившееся кровью, побагровевшее лицо. Дергающееся в воздухе тело, вылезшие из орбит глаза...

Я глубоко вдохнула.

– Ничего... а что... с трупом?..

– Каким трупом? – опешила Инга, – Лерусь, ты что? Ну ты и приложились! Хорошо еще, что сотрясения нет... Врачи говорят – нет. И череп вроде цел.

Та-ак. Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Если моя соседка ни сном ни духом о самоубийце, то целых две гипотезы имеют право на жизнь: либо вокруг меня закрутился вселенский заговор, либо... Я тронулась умом, что, собственно, тоже не исключено.

Я попробовала приподняться, чтобы видеть лицо Инги, но она тут же сама кинулась ко мне – мол, лучше не шевелись. И тогда я, вдыхая исходящий от Инги аромат дорожущего парфюма, прошептала ей на ухо:

– Что со мной случилось?

– Да откуда мне знать? – она усмехнулась, – я утром возвращалась, смотрю – дверь твоей квартиры приоткрыта. Ну, мы с Андрэ заглянули, смотрим – ты валяешься на балконе, затылок рассекла, кровищи – море!

– И все?

– Все, – Инга ободряюще потрепала меня по плечу, – наверное, ты со стульчика упала. Ну, с детского, с мухомором.

Я закрыла глаза и откинулась на подушку. М-да. Похоже, что вокруг меня и в самом деле существовал некий заговор, целью которого, вероятно, было свести меня с ума. Выходит, покойничек вылез из петли и преспокойно вышел через дверь? А может, он еще и прихватил чего из моей квартиры?

– Лерусь, – мягко сказала Инга, – если тебе лучше, то мы можем поехать домой. Хочешь?

– Не знаю.

И снова перед глазами дергающиеся пятки над детским стульчиком. Я всхлипнула – и тут же ощутила на запястье теплые пальцы Инги. Меня начал бить озноб, как будто... это я стояла, вдев голову в петлю.

– Лера, поехали. Андрэ нас отвезет. Если тебе... если не хочешь пока к себе, поживи у меня. Разговор есть. Серьезный.

– Инга, а ты меня не успокаиваешь? Вы никого... не видели в квартире, кроме меня?

– Не видели, – как-то деревянно ответила Инга, – честное слово.

И я вдруг поняла, что она врет. Даже не так – она что-то аккуратно не договаривает. Может быть, мужик в петле мне и правда привиделся, но было и нечто другое, важное – о чем моя соседка пока предпочитала помалкивать.

– Меня не ограбили? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – Инга бодро замотала головой, – вроде порядок был.

Но что-то она все равно продолжала скрывать, словно обертывала в неприметную серую бумагу.

– Поехали, – внезапно решила я, – только... можно, я несколько дней у тебя поживу?

– Конечно, поехали! – она обрадовалась, выхватила из сумочки телефон и принялась набирать номер, – Андрэ, зайди за нами, а? Да, прямо сейчас. А я пока к доктору!

И, уже на ходу, весело пообещала:

– Сейчас все уладим, Лер. Нынче в больницах никого насильно не держат.

Мы с Ингой жили на одной лестничной площадке, и двери наших квартир честно глядели друг на дружку. Пожалуй, из всего подъезда мы были единственными двадцатипятилетними одиночками – но на этом наше сходство заканчивалось. Если я работала, то Инга провозгласила своим девизом «зачем работать, когда можно не работать?». Если я, распрощавшись год назад со своим парнем, больше ни одной особи мужского пола на порог не пускала, то Инга меняла мужчин как перчатки, причем мужчин обеспеченных, большей частью привлекательных. Я предпочитала джинсы, мягкие кожаные туфли и приталенные рубашки всех существующих расцветок – Инга в выборе одежды руководствовалась гламурными журналами, которые она скупала пачками в ближайшем киоске. Что до внешности, то и здесь Инга оказалась куда прогрессивнее меня. Хотя бы потому, что свои темно-русые волосы перекрасила в оттенок «дикая вишня», на светлые серые глаза нацепила изумрудные контактные линзы, а ногти нарастила и каждую неделю появлялась с новым маникюром.

...Она, цокая шпильками, унеслась куда-то по коридору – скорее всего, к врачу. Я снова осталась одна, пощупала осторожно голову. За ухом вспухла огромная шишка, стоило ее коснуться, и перед глазами начинали весело кружиться цветные звездочки.

М-да. Знать бы, что происходит вокруг меня. На самом деле.

Я потеряла свои отекавшие глаза, которые наверняка выглядели совсем как пороссячи, уныло поглядела на дверь. В палате стояла тишина, жертвы несчастных случаев на соседних койках то ли спали, то ли просто не испытывали ни малейшего желания разговаривать – да и кому захочется сплетничать в таком-то состоянии?

Затем кто-то быстро прошагал по коридору, вернулся. И в палату вошел высокий блондин в строгом костюме цвета серебристой ели.

– А где Инга? – поинтересовался он, глядя на меня в упор.

Глаза у него... были волшебными. Необыкновенными. Серо-зелеными, яркими, запоминающимися... Такими, что у меня захватило дух. Косая челка падала на лоб двумя пшеничными прядями, коричневые полукружья бровей красиво приподнимались к вискам.

– Я – Андрей, – коротко представился он, наклоняясь ко мне, – ты меня не помнишь?

Станный вопрос. Я же была в обмороке, наверное...

Он и сам осознал, что спрашивает нелепицу, потер задумчиво подбородок – упрямый, донельзя мужественный, с модной трехдневной щетиной. Затем улыбнулся мне, протянул руку.

– Подняться можешь? Пока Инга доктора убалтывает, мы потихоньку можем спускаться.

Я вцепилась в его руку как утопающий в край шлюпки, осторожно села на кровати. Черт, а рубашка-то кровью заляпана. Хорошо же я головой приложилась!

– Молодец, – искренне порадовался Андрей, – ты просто умница. Давай-ка, я помогу тебе... вот так, да...

Он подхватил меня под мышки и медленно, шаг за шагом, повел прочь из палаты. От Андрея пахло дорогими духами и немного табаком, и я вдруг почувствовала, что не хочу расставаться с этим человеком раз и навсегда. От Эрика мне хотелось сбежать и спрятаться, но Андрей казался... другим. Необыкновенным и в то же время близким, как будто мы уже знали друг друга Бог знает сколько лет.

Пожалуй, проблема была лишь в том, что такие мужчины как Андрей не смотрят в сторону таких женщин как я.

Черт.

Нехорошо как-то – взять и вот так уйти из больницы. Наверное, это неправильно. Может, все-таки остаться?..

– А вот и я!

Вынырнув из полумрака больничного коридора, Инга трянула взлохмаченной пачкой каких-то бумаг.

– Все улажено, Лерусь. Три недели больничного, рецепты, направление к невропатологу. Отдохнешь, сил наберешься, валерьяночки попьешь – и снова в офис! Броня крепка, и танки наши быстры!

– И как это тебе удалось? – Андрей легко и совсем по-домашнему прислонился подбородком к моей макушке, отчего мне захотелось блаженно прикрыть глаза и замурлыкать.

Инга победоносно выпятила роскошную грудь.

– И не спрашивай, Андрэ. Сам знаешь, у женщин свои секреты.

Я шла, словно в густом тумане. С тяжелой головой, ноющей под пластырем шишкой, подгибающимися коленками – и с чудным ощущением поддерживающих меня сильных мужских рук. В висках вместе с пульсом билось «Андрей, Андрей, Андрей». Бог мой, глупости какие. Я же никогда, никогда не верила в любовь с первого взгляда, и только смеялась над вычитанными в романах фразами вроде «и между ними проскочил электрический разряд». Ну, или «он утонул в ее глазах»... Кажется, головой я приложилась куда сильнее, чем заверяла Инга. И, может быть, стоило лежать на больничной койке? Ох. Но как тут воспротивиться, когда тебя уверенно ведет, поддерживая под локоток, такой красавец?

«Вареничек», – лукаво подмигнула Танюха, в самый неподходящий момент всплывая в моих затуманенных воспоминаниях.

Да, вареничек. Покорно висящий на вилке. А самое главное, даже не пытающийся ничего предпринять.

Хотя... К чему? Домой меня везет соседка. Я доверяю Инге – по крайней мере, она всегда относилась ко мне с доброжелательным сочувствием. Так что опасаться тут нечего... наверное...

Когда мы выползли из больницы, Инга пропела:

– Эх, Лерка. Дома ты хоть отдохнешь нормально. А так бы валялась на казенной кровати в обществе тех загипсованных мумий.

– Так врач был против? – прошептала я, блаженно вдыхая запах одеколона, исходящий от Андрея.

– Ну-у, он, конечно, не был в восторге, – скривилась моя добрая соседка, – просто оказался строг и подкупен. Так оно всегда и бывает, пора бы тебе об этом знать.

* * *

...На третий этаж я поднималась бесконечно долго. Голова начала кружиться, серые ступеньки прыгали и раскачивались перед глазами. Раз шажок, два шажок. Наверное, если бы не Андрей, уже покатила бы вниз, до первого этажа.

А если у меня сотрясение мозга? Тогда я просто дура, что дала себя увезти из больницы палаты. Все-таки там я лежала бы под присмотром – а какая сиделка из шикарной Инги? Да никакая...

Добравшись до родной площадки, я бессильно повисла в руках Андрея. Надо бы и к себе зайти... Одежду взять, а заодно и проверить – не обчистил ли меня тот нудист с петлей на шее. Но при мысли о том, что я снова увижу перевернутый детский стульчик, желудок скрутило в тугую восьмерку. Пришлось подышать глубоко и быстро, чтобы не перепачкать подъезд и окончательно не пасть в глазах Андрэ.

– Тебе нужно заглянуть домой? – он угадал мои мысли.

Инга загремела ключами, возясь с фирменным и чрезвычайно дорогим замком. Она и врезала-то его специально, чтобы случайные гости уважали – мол, раз такой замок, значит есть что охранять.

– Не знаю, – прошептала я, – мне бы... переодеться... проверить, все ли на месте.

– Хочешь, я с тобой схожу? – он обнял меня за талию, крепко прижал к себе. Так уже не упадешь, и решительности куда как прибавилось.

– Да, пожалуйста. Если не трудно.

– Идите-идите, – весело добавила Инга, – мы, когда тебя выволокли, дверь захлопнули. А ключи на тумбочке лежали, держи, Андрэ.

– Пойдем, – он решительно подвинул меня к двери, – не бойся. Ничего страшного там уже не будет.

– Наверное, – я вымученно улыбнулась.

Да я же, черт возьми, просто умру от страха, если опять увижу *это*. Если хотел ограбить, гад, зачем же было так пугать? Не мог дожидаться, пока на работу уйду?

...Квартира встретила нас уютной и привычной тишиной. Только часы, что на стене в коридоре, громко и занудливо тикали, отмеряя бег времени.

Ничего не изменилось: зеленоватые обои в мелкий цветочек, серый линолеум под ногами. Дверь в комнату была приоткрыта, уголок ковра завернулся – ну да, они ж меня волоком тащили.

– Идем? – шепотом спросил Андрей.

– Д-да... наверное...

Я зажмурилась. Нет, только бы не увидеть, потому что...

Да и с чего я взяла, что он снова будет там? Собрал мои денежки – да и был таков. А я-то, наивная, поверила в то, что кто-то повесился на моем балконе!

Я быстро, насколько могла, доковыляла до секретера и первым делом вывернула ящик, где лежали деньги и документы. На удивление, все оказалось на месте. Не нашел? Странно... Любой, даже начинающий домушник первым делом сунулся бы туда.

Андрей все еще поддерживал меня, кивнул в сторону балкона:

– Лера, посмотри туда.

– А что там?

И мгновение застыло – хрустальная капля в вечном полете. Перед глазами стремительно собиралась чернильная тьма. Сперва редкие, отдельные пятнышки, затем – серые и

бесформенные кляксы... Я заскулила и сжалась в комок. Потому что сквозь белые жалюзи прекрасно просматривался все тот же плечистый силуэт.

– Андрей... – я набрала в грудь побольше воздуха, – мне надо... обратно... к врачу.

«Или в ближайший дурдом», – закончила я про себя.

– Лера, – он резко тряхнул меня за плечи, – прекрати истерику. Я его тоже вижу.

– Эээээ?

Андрей развернул меня лицом к себе.

– Смотри на меня. Ну же, прекрати... Ну что мне, пощечин тебе надавать? Говорю, я его тоже вижу. Ты вообще когда-нибудь интересовалась, почему так дешево эту квартиру купила? Да потому, что в начале девяностых здесь один чокнутый повесился! А то, что ты видишь на балконе – это его дух, так и не нашедший покоя!

Лицо Андрея поплыло, надулось белым шариком. Бах! – и взметнулась вверх темнота, как будто чернильницу о стену разбили.

– Лера!!!

И я ощутила жгучую боль на щеке. Раз, другой...

– Ну, извини, – он обнял меня, – мы не стали тебе сразу говорить... Но сейчас скажу. Ты, Лерочка, за последние два дня почти инициализировалась как ведьма. А всем известно, что ведьмы могут видеть духов, застрявших между миром этим и тем.

Я покосилась в сторону треклятого балкона. Ну да, да... Там он, этот эксгибиционист проклятый. Стоит, поджидает меня...

Во рту было горько, щеки горели от проведенной Андреем экстренной терапии, ноги подкашивались, шишка за ухом пульсировала горячей болью.

Ведьма? Я? Ну что за ерунда...

– Давай, я помогу тебе собрать вещи, да пойдем к Инге, – строго сказал Андрей, – валерьянку тебе пить надо... бочками.

И загадочно улыбнулся.

* * *

Следующие три часа я провела под тяжелым шерстяным пледом на диване, в замечательном золотисто-розовом зале, где все стены были увешаны художественными портретами Инги. Инга и чучело тигра, Инга в мехах, Инга в черном кружевном белье...

Я молчала, а они говорили без умолку, пытаюсь убедить меня в преимуществах нового образа жизни. А что? Таковых, по словам Андрея, было предостаточно.

Но для начала мне следовало принять как данность то, что я – в результате каких-то там химических реакций, мутаций и наследственности – перестала быть человеком и стала одной из тех, кого раньше (да и сейчас) именовали ведьмами.

«Ну и что?» – тут же заявила Инга, – «радуйся. Это же не значит, что ты больше не человек! Это... понимаешь, Лер, это *больше* чем просто человек!»

«А как же договор с дьяволом, скрепленный кровью?» – брякнула я, тем самым вызвав взрыв хохота.

«Нет ни Бога, ни Дьявола», – отсмеявшись, серьезно сказал Андрей, – «А если они и существуют, то мы о них ничего не знаем».

Значит, «мы»...

Дальше выяснилось то, что каждый колдун или ведьма обязательно обладали каким-либо сверхъестественным даром, будь то умение видеть призраков, читать ауры простых смертных, прорицать судьбу. Кроме того, существовали какие-то особо старые и одаренные колдуны и ведьмы, которым было под силу вызывать демонов и повелевать ими.

«Но о них мы тоже очень давно не слышали», – поспешил заверить Андрей, – «скорее всего, таких просто не осталось. Их было довольно много... в раннее средневековье. Да и Возрождение порадовало сильными магами. Наверное, потом они просто вымерли».

«И немудрено», – пробормотала я, – «сколько веков-то прошло».

«А ты, небось, думаешь, что мне тридцать?» – подмигнул Андрей, – «мы можем продлить свою молодость, а заодно и жизнь».

Я оторопела. А потом осторожно спросила – сколько же ему на самом деле.

«Сто двадцать», – очаровательно улыбнулся Андрэ.

«А я – молодка», – заметила Инга, – «мне всего-то полтинник».

В те минуты у меня все-таки закралось подозрение уже о массовом помешательстве. Все, что мне излагали, куда походило на затертые до дыр вампирские истории. Да, кстати, о вампирах... Я и об этом спросила. Так, на всякий случай, вдруг и *этих* вокруг пруд пруди?

Андрей как-то помрачнел.

«Я видел однажды вампира. Настоящего. Но это, поверь, был не юноша романтической наружности... Это была жуткого вида тварь, которая по ночам выползала из могилы и нападала на скотину. Его потом нашли и убили, как положено. Отрубили голову, сердце осиновым колом проткнули, а потом тело сожгли. Было это... в Румынии, году в девятьсот двадцатом. Почти сразу после моей инициализации...»

Больше про вампиров я не спрашивала.

Даже попыталась пошутить – «Так я теперь на помеле могу летать?»

«Мы еще не знаем», – хором ответили мои наставники.

Выходило, что я еще не до конца «раскрылась», и даже Андрей, который мог «читать» себе подобных, не видел до конца моих способностей. Он даже попробовал: долго-долго держал меня за руки, закрыв глаза и что-то бормоча себе под нос – не вышло. Потому мы решили оставить это на потом, а сейчас перейти к самой важной части «лекции». О том, как все ведьмы делают *это*.

«Тебе не придется плясать вокруг котла с зельем», – усмехнулась Инга, – «достаточно научиться направлять свою волю. Твоя сила – в твоих мыслях, потому от сотворения мира известно: мысль способна изменить материю».

«То есть», – Андрей все еще держал меня за руки, не торопясь отпустить, – «если ты дашь человеку простой воды, а сама захочешь его исцелить – выздоровеет».

«Или отравить», – хихикнула Инга, – «никто ничего не докажет. Выпил водички – и помер. Прелесть, да?»

Она кровожадно ухмыльнулась, а мне стало как-то не по себе.

«Не слушай ее», – Андрей нахмурился, – «Инга еще молодая, ума-разума не набралась. Никто из нас не убивает... Если на то нет необходимости! Если начнешь косить врагов направо и налево, на твой след очень скоро станет инквизиция».

О, вот и приплыли. Если есть ведьмы, то куда ж без нее, родимой?

Андрей рассказывал и рассказывал, и общая картина начала медленно проясняться.

Конечно же, инквизиция была совсем не тем, чем она была, скажем, в веке пятнадцатом в мрачной и голодной Европе. Теперь туда отбирали ведьм и колдунов, обладающих какими-то сверх способностями, и занималась инквизиция исключительно разрешением споров между ведьмами. А в редких случаях – расследованием убийств ведьмами смертных (простых смертных). Некоторые ведьмы добровольно являлись в инквизицию, чтобы получить патент на право быть самими собой и пользоваться своими способностями. А некоторые – «как мы, например» – предпочитали свободу. Никаких обещаний, никаких патентов.

«Если вести себя осторожно, никто и не узнает», – заверила Инга, – «разве что напорешься случайно на инквизитора, читающего ментальное поле... Но мы их наперечет знаем, так что вероятность такой встречи мала».

Мне было тепло и хорошо под пледом. Так бы лежать век, и чтобы Андрей держал мои руки в своих. Но я все же набралась храбрости и спросила:

– В то утро, когда вы меня нашли... Все произошло действительно так, как ты, Инга, рассказала?

Она принялась накручивать на пальчик локон цвета «дикая вишня». Взгляд на мгновение метнулся к Андрею, словно Инга что-то безмолвно спрашивала, вернулся ко мне.

– Хорошо, Лер. Правду так правду – смысла-то врать уже нет. Той ночью Андрей был у меня. В гостях. – она нарочито подчеркнула последнее слово, – Он уже собирался уходить, когда ты вернулась домой. Мы даже видели, как ты отперла дверь, но решили подождать, когда ты войдешь. А потом Андрей сказал, что почувствовал *всплеск*. Нет, не спрашивай, я не знаю что это такое, и даже не знаю *как это*. Всплеск какой-то там энергии наверное... В общем, он почуял, что за твоей дверью происходит нечто совсем нечеловеческое.

Андрей вдруг поежился, взгляд его блуждал по комнате – но мысли были в недостижимых дальях.

– В общем, когда мы отперли дверь, воспользовавшись нашими ведьмовскими дарами, – хрипло сказал Инга, – ты уже была без сознания. А тот идиот голый продолжал стоять на стульчике, и даже попробовал нас испугать. Но мы-то знали, что он – дух, нас этим не проймешь. А вот ты этого не знала. И мы еще не были уверены, что у тебя... идет инициализация. Поэтому отвезли в больницу, а ключи с собой прихватили. Вот и все.

Я с облегчением вздохнула. Получается, Инга наврала мне совсем чуть-чуть – в основном про незапертую дверь. Не хотела рассказывать, как дверь открыли? Ну да ладно, чего только не бывает...

– Спасибо, – я оглядела их, – честно говоря, без вас я бы сама пошла в дурдом сдаваться.

Андрей расцвел в белозубой улыбке, подмигнул.

– Не благодари. У нас через три дня вечеринка намечается... Надеюсь, ты пойдешь? Будут ведьмы, полеты на метле... Ну и, разумеется, запланированная оргия.

Ха! Оргия?

Ну, правильно, шабаш.

Я потрогала пальцем шишку за ухом и подумала, что ее все равно не будет видно под волосами.

* * *

К вечеру я вернулась домой.

Не сидеть же вечно у Инги только потому, что двадцать лет назад на моем балконе повесился какой-то дурак, и теперь не может обрести покой, предпочитая делать гадости живым...

Механически рассовывая по полкам продукты, которые купил для меня Андрей, я невольно разглядывала собственные руки. Ну надо же – внешне не изменилось ничего. Совсем ничего: пальцы остались прежними, поломанный ноготь не вырос, старый шрам на запястье как белел, так и продолжает белеть. А вот поди ж ты – ведьма.

Оставшись одна, я уже с трудом верила в происшедшее; оно походило на дурацкий розыгрыш, на чью-то донельзя глупую, но в общем безобидную шутку. Господи, ну какие ведьмы могут выжить среди кабельного ТВ, изрыгающих выхлопы машин и локальных сетей? Наверняка последний колдун должен был удавиться с изобретением персонального компьютера. Ну, или с выпуском первой версии Windows...

Продукты переключивали из пакета в холодильник. Я открыла йогурт и, хищно вонзив в стаканчик ложку, побрела к зеркалу.

В самом деле, не изменилось ни-чего-го. Какая была, такая и осталась: до эталона глянцевої красоти как до Марса, темно-русые волосы повисли сосульками, ухо, которому досталось еще ночью, припухло. И в глазах непонятного цвета – каре-зелено-серых – не образовалось ведьмовской искорки, от которой окружающие мужчины должны непременно падать ниц и молить о свидании.

Я вздохнула, проглотила ложку йогурта. Как же все это сложно! Поверить в то, что нельзя пощупать, рассмотреть, разобрать и собрать как детский конструктор. А из туманных глубин сознания вынырнула, сверкая свежестью красок, мысль: мне, черт возьми, нужно доказательство того, что я могу больше, чем обычный сотрудник офиса с девяти до шести. И одного вида самоубийцы на балконе – мало. Нужно что-то такое, отчего я бы поверила в то, о чем мне столько твердили Инга и Андрей...

– Мысль изменяет материю, – пробормотала я вслух.

В это время на балконе упал детский стульчик – видимо, призраку надоело меня ждать, и он в очередной раз повесился. Ха! Не дождется он больше от меня ни истерик, ни банального испуга. Плевать я на него хотела, особенно после того, как разбила голову о ступеньку...

Я быстро вернулась на кухню, взяла стопку из тонкого стекла и наполнила ее водой. Затем прошлепала в зал, презрительно глянула на силуэт, замерший на балконе. Вот тебе, гад, мое полнейшее безразличие! А если и дальше будешь себя плохо вести, то я... Впрочем, я так и не придумала, как можно наказать неупокоенный дух. Стопка с водой отправилась на журнальный столик, я – на диван. Вот сейчас и поглядим, какая из меня ведьма.

Что нужно делать-то? Как силой мысли заставить стопочку перемещаться по гладкой столешнице?..

Я неторопливо доела йогурт, положила подбородок на сцепленные пальцы рук и установилась на объект эксперимента. Наверное, стоило вообразить, что взгляд мой – не что иное, как прозрачная и длинная рука, которая может воздействовать на любую материю? Или попытаться думать «двигайся-двигайся-двигайся»? А может быть, стоило бы нарисовать пентаграмму, вызвать кошмарного демона и заставить его переместить стаканчик? Стоп. Куда-то меня понесло...

Наполненная водой стопка осталась неподвижна.

А может быть, идея насчет демона не так уж и плоха?

За ухом нестерпимо зачесалось, я прикоснулась к коже, вспомнила о пластыре. Ну это ж надо было так неудачно упасть, а?

Снова гляжу на неподвижную стопку. Ну, миленькая, ну подвинься. Ну хоть на сантиметр – тем самым убедишь меня в том, что визит в ближайший дурдом не нужен...

Посудинка проигнорировала мои просьбы и осталась недвижима. Эх.

Я попробовала еще раз – вообразила, что вокруг меня существует некое светящееся поле, вроде кокона, и что от этого кокона щупальце тянется к стопке с водой, чтобы подвинуть ее к краю столика... ну, пожалуйста. Ну чуть-чуть...

– Вот зараза, – произнесла я вслух.

Что бы еще попробовать? Да и вообще, могут ли ведьмы двигать предметы по воздуху?.. В груди жаркой волной поднялось раздражение – на саму себя, на бестолковую стопку, на Игну, на ее безвкусный маникюр...

Комната дрогнула. Подернулась сумерками. Раздался хруст – и все стало на места.

А я в замешательстве уставилась на осколки стекла и маленькую лужицу. Черт! Это что, я сотворила? Но я же только хотела ее подвинуть... Да и вообще, что случилось-то?

Пустой стаканчик из-под йогурта и раздавленная стопка отправились в мусорное ведро. Попробовать еще раз? Но если так и дальше пойдет, я расколочу всю посуду... Вот незадача.

... В прихожей весело тренькнул звонок, затем кто-то настойчиво постучал в дверь. Я только выглянула в глазок, увидела знакомый оттенок «дикая вишня» – ну конечно, кто бы еще ко мне пришел вечером?

– Привет, – как-то устало сказала Инга, – можно я войду?

– Конечно, проходи, – я невольно залюбовалась ее белым кожаным пиджаком. Вырядись я в такой – вид будет совсем другим, скорее плачевным. С другой стороны, за пятьдесят лет молодости, наверное, можно научиться ходить по улице как по подиуму...

Она тихо просочилась в зал, выложила из сумки свернутые в трубочку листки.

– Я совсем забыла отдать тебе документы из больницы, Лер. И еще вот это. Андрей распечатал из нашей базы.

– Это что?

Я зашуршала бумагой. Фотографии каких-то людей, как будто для паспорта, имена, фамилии...

– Здесь те, кто входит в местный совет инквизиторов и кого тебе следует опасаться, – пояснила сквозь зубы Инга.

Молодые мужчины, несколько женщин. И – мамочки! – даты рождения: тысяча восемьсот... тысяча девятьсот восьмой...

– Глядя на них, ни за что не угадаешь, сколько кому в действительности лет, – продолжила моя соседка, – кое-что, Лерусь, ты должна понимать. Мы покупаем годы молодости у смерти, расплачиваясь чужими жизнями... Неприятно, но никуда не денешься. А еще есть такая штука... Принцип высшего ведовства называется.

– И что... это за принцип?

– Побеждай жертвуя, – отчеканила Инга словно на экзамене.

– Угу.

Удивляться тут было нечему: даже в моем воображении ведьмы никогда не были добрыми, белыми и пушистыми.

Тут мой взгляд зацепился за жирный вопросительный знак в графе «год рождения», и я безмолвно протянула этот последний листок Инге.

– А-а-а, вот ты о чем. Все просто: никто из нас не знает, сколько на самом деле прожил этот... тип. Я бы предположила, что лет двести, а там – чем черт не шутит? Можешь себе представить, скольких он отправил на небеса, чтобы так долго и так шикарно жить?

Я перевернула страницу – дальше на весь разворот была напечатана фотография. Короткий ежик черных волос, приятные черты... Кого же он напоминает? А, ну да. Киану Ривза. Осталось только темные очки нацепить...

С безобидного листа бумаги на меня безмятежно смотрел не кто иной, как Эрик.

* * *

...Ох, время, время.

Мне бы остановиться, обдумать все, разложить по полочкам. Понять, кто я на самом деле – человек или «нечто большее», как щебечет Инга. Смириться наконец... Даже не с тем, что я в некоторой степени мутант, экстрасенс и ожившее суеверие в одном флаконе – а с тем, что мое мировоззрение дало трещину, захрустело и осыпалось как яичная скорлупа. Вот так и бывает: живешь себе живешь, не плохо, не плохо хорошо, как миллионы. Дом – работа – дом – неделя закончилась – ура, зарплата. А потом догоняет тебя на прозрачных крылышках Судьба, касается невесомым пальчиком, и жизнь переворачивается. Земля твердых убеждений становится неосязаемым бесконечным небом – а ты, обливаясь потом, учишься ходить по облакам...

На самом деле, конечно, «ведьма» звучит недурственно. Но мне все чудилось, что сердцевинка у этого слова... мм... с гнильцой, что ли? Один принцип высшего ведовства чего стоит. Чем можно жертвовать-то? собой? Другими? Продлять годы свои за счет жизней ни в чем не повинных людей? Фу. Ни за что и никогда!.. Но соблазн-то велик, особенно для женщины, ведь хочется, чтобы подольше было гладким лицо, подтянутым тело... Ох.

А еще мне не давал покоя Эрик. Не в прямом, конечно, смысле – но в каждую из трех ночей, оставшихся до вечеринки, он нагло вламывался в мои сумбурные сны, заставляя вздрагивать и просыпаться. Эрик не предпринимал ровным счетом ничего, только смотрел на меня горько и сочувственно, и все повторял: будь осторожна, ты не знаешь, во что ввязалась...

Но днем кошмары отступали, ко мне обязательно приезжал Андрей – и, чего уж скрывать, его общество было более, чем приятным. Он вытаскивал меня из полутьмы квартиры словно морковку из земли, катал по городу, вывозил к реке... Неизменно оставляя Ингу дома. Казалось, ему со мной интересно – либо он впервые имел дело со столь юным созданием, прошедшим инициализацию.

... А инициализация-то и не завершилась. В одну из прогулок я спросила Андрея – не будет ли он меня учить... ну, ведьмовскому ремеслу. На что он только пожал плечами.

– Лер, сейчас я ничего не могу с тобой сделать. Дар не раскрылся, знак ведьмы на твоём ментальном поле неясен. Вот когда переход завершится – тогда с удовольствием.

– Скажи, а кто такая Малика? – спросила я, воспользовавшись моментом.

– Малика? В первый раз слышу. Откуда это имя? Смешное такое, странное...

Хм. Либо он мне лгал, либо узница Эрика оказалась попросту нездешней.

...Время. Его стремительные воды с шумом и грохотом несли меня навстречу судьбе. Барахтайся, как хочешь – никуда не денешься. И грянула обещанная вечеринка, и меня завертело в цветастом водовороте из коктейлей, незнакомых лиц и фейверков.

* * *

Инга была неподражаема: черный блестящий топ, черные брюки, обтягивающие идеальные ноги. И – обилие сверкающего серебра. Несколько цепочек, кулон-паук с зелеными глазами, такой же паук на широком дутом браслете, ажурные серебряные колечки в ушах. Помада цвета черешни удивительно хорошо сочеталась с гладко причесанными волосами, кошачьи глаза были оттенены сливовыми и графитовыми тенями... Ведьма, одним словом, да такая, что дух захватывало. Даже у меня – не говоря уж о мужской части населения.

– Ты собралась? – Инга мимоходом приложилась к моей щеке, обдала мятным холодком, – давай, одевайся. Андрэ скоро заедет.

Я поморщилась – отчего-то меня начинала раздражать ее дурацкая манера называть Андрея на французский лад.

– Мм... вообще-то, я готова.

Инга замерла на пороге кухни, обернулась, поцокала языком.

– Лерочка, ты же не на работу идешь. На вечеринку.

Оставалось только пожать плечами. Не могу же я признаться, что у меня и одежды подходящей попросту не было? Раньше как-то не приходилось посещать ведьмовские вечеринки... Да и вообще... вечеринки.

Поэтому я облачилась в классические брюки и светлую приталенную блузку с кружевом по вороту и на манжетах.

Инга задумчиво почесала за ушком, еще раз окинула меня критичным взглядом.

– Так, дорогая. У тебя есть пять минут, чтобы привести себя в надлежащий вид. А ну, пойдем ко мне. У нас вроде размер одинаковый...

Ну, может быть, Инга и права. В конце концов, я же не знаю, какой у них там дресс-код?

Следующие пол часа были наполнены шорохом падающих на пол предметов одежды и моими протестующими воплями – «ой, я не могу, тут вырез чересчур... а тут разрез... ой, ну не надо, а? Я так не привыкла!»

Потом за нами все-таки зашел Андрей, которому надоело ждать у подъезда, и при виде меня у него забавно округлились глаза – старания Инги-таки не пропали даром. Облаченная в тунику из сливовой органзы, подпоясанную плетеным ремнем, и в темно-фиолетовые штаны, я наконец стала походить на истинную ведьму. Как завершающий штрих, Инга повесила на меня ворох сверкающей «готической» бижутерии и заставила поярче накрастись. В зеркале вместо прилежной офисной сотрудницы отразилась леди-вамп – а я тут же заметила, что взгляд Андрея то и дело возвращается к моему нижнему белью, которое было превосходно видно сквозь прозрачную ткань.

– Ну что, девочки, едем? – нерешительно поинтересовался он и посмотрел на меня так, что захотелось завернуться в драповое пальто.

– Конечно, едем! – весело отозвалась Инга, – я тут... немного Лерочке помогла.

– Д-да, спасибо, – я через силу улыбнулась. Черт, все равно что голая... ну да ладно. Наверное, ведьмам так положено.

– Ты превосходно выглядишь, – шепнул он мне на ухо, когда мы уже спускались по лестнице, а Инга запирала дверь.

– Я себя некомфортно чувствую, – упрямо пробубнила я.

От заинтересованных взглядов сто двадцатилетнего ведьмака начинали гореть щеки, а мне совершенно не хотелось прибыть в новую компанию такой свеколкой.

– Красота требует жертв, – философски заметил Андрей и принялся насвистывать под нос.

Сам он, кстати, был одет в привычный костюм – только не цвета хвои, а цвета «мокрый асфальт».

...И мы поехали.

Как выяснилось, на окраине города, в полуподвале старого дома ютился самый настоящий ведьмовской ресторан со всей положенной атрибутикой: клыкастыми мордами демонов по стенам, метлами, столиками в виде перевернутых ступ и ярко-рыжими официантками в черных платьях по колено. Танцпол был подсвечен всеми оттенками красного, из динамиков неслись тихие подвывания, бармен готовил «кровавую мэри».

– Мы рано, – огорчилась Инга, – народ только-только собирается.

– Меньше народу – больше кислороду, – парировал Андрей и в который раз кровожадно воззрился на мой кружевной бюстгальтер.

Мы выбрали свободный столик в углу, Инга подозвала официантку, взялась за меню. А я... мне вдруг сделалось зябко. Я представила себе, как каждый проходящий будет на меня глазеть, и как придется каждому объяснять, кто я и что здесь делаю...

Теплая ладонь Андрея накрыла мои пальцы, шепот приятно защекотал ухо.

– Не беспокойся. Никто тебя вертеть и разглядывать не будет – у нас такие правила. Новички неприкосновенны.

– Правда? – я растерянно взглянула на него. Андрей улыбался своей неподражаемой улыбкой, отчего все его лицо светилось.

– Правда-правда, – заверил он, – может, пойдем, потанцуем?

– А как же... – я взглядом указала на Ингу, изучающую список блюд.

– Она не будет скучать, поверь.

– Может, все-таки позже?

– Как скажешь, – улыбка стала еще шире, еще душевнее. И пальцы Андрея все еще лежали поверх моих, заставляя сердце трепетать в непонятном предвкушении.

А народ подтягивался и подтягивался. Сидя в уголке, я с интересом рассматривала прибывающих ведьм и ведьмаков: похоже было на клуб «до тридцати». Женщины демонстрировали различные части тела – у кого на сколько фантазии хватало, мужчины являлись в дорогих костюмах, часто при галстуках. И, конечно же, все они были особенными. Не глянцево-журнальной красотой – а скользкой, подобно блику лунного света на воде, сверкающей в улыбке, жестах, удивленном вскидывании бровей...

Я сидела, напрочь позабыв о салате и аперитиве. Инга с увлечением ковырялась в тарелке, запивая красным вином, Андрей лениво потягивал «Мартини». Музыка зазвучала громче, кое-кто отправился размяться в кровавых лучах подсветки.

– Пойдем? – шепнул Андрей, – я не допущу, чтобы юная мадемуазель весь вечер просидела за столом, медитируя на тарелку.

Инга проводила нас рассеянным взглядом, и через несколько минут к ней подсел роскошный шатен весьма романтической внешности.

– Вот видишь, Инга не будет скучать. Она сейчас поболтает с одним из старейших колдунов этого города, он даже постарше меня будет. А потом и вовсе поедет к нему домой.

По пути к танцполу Андрей кому-то кивнул, с кем-то обменялся рукопожатием – но ни на минуту не отпустил моей талии. Выдохнул в мой висок:

– Мне нравится этот вечер. Полагаю, для тебя не будет новостью, что кое-кто тобой оч-чень заинтересовался?

Ох. Неужели... неужели он знает про Эрика?!! Может быть, нужно было рассказать?

– И кто... это? – я в панике зашарила взглядом по темному залу, страхась увидеть знакомое лицо.

– Это я. Эй, что это с тобой? Ты испугалась? – непритворная забота в голосе. Кажется, он и сам боится... Но чего? Не моего ли возможного отказа?

– Да нет, нет... просто показалось...

И я уткнулась носом Андрею в плечо, вдыхая запах дорогого одеколona и мысленно умоляя высшие силы сберечь меня от инквизиции. Не хотелось ни бояться, ни думать – просто побыть собой.

– Знаешь, я когда тебя первый раз увидел, то своим глазам не поверил, – тихо признался Андрей, – я никогда не видел такой красоты.

– Да неужели? – я подозрительно воззрилась на него, – не верю. Неужели за сто двадцать лет ни разу?!!

– Ты не совсем поняла, – он мягко пригладил мои волосы, рука скользнула на спину, задержалась на мгновение чуть ниже поясницы и вернулась на талию, – дело не только во внешности. Понимаешь... я вижу еще и твое ментальное поле. По крайней мере, отсветы, падающие на то телесное, что есть твой организм. Объяснить очень сложно, почти невозможно. Если у тебя будет дар чтения, то сама поймешь... Но то, что я вижу в тебе сейчас – воистину прекрасно. И я в самом деле счастлив, что мне довелось увидеть рождение новой ведьмы, которая могла бы стать...

Он замолчал, о чем-то задумался. Я же предпочла и не думать, поскольку мало что поняла из этой тирады. Единственное, что просочилось в сознание – это то, что в глазах Андрея я была красавицей. Хм.

«Ну и пусть», – мелькнула безумная мысль, – «пусть это будет просто красивый и короткий роман. Разве я не заслужила чуточку радости?»

– Давай отсюда уедем? – напрямую предложил он, – я отвезу тебя к пруду. Лунный свет на черной неподвижной воде – это очень красиво. И звезды глядят в зеркало... В городе нет таких ярких звезд, пыльно, грязно.

Я пожала плечами. Почему бы и нет? Лунная дорожка, струящийся прозрачный свет, молочные хлопья редких облаков, тишина...

– Звучит заманчиво. Поедем.

Андрей на миг прижал меня к себе – так, что дух захватило – и тут же отпустил.

– Тогда собирайся. Я пока такси вызову.

* * *

...Утро.

Странное утро. Небывалое, фантастическое – уже только потому, что будит меня запах кофе. Потому, что кофе этот мне приносит в постель невероятно красивый мужчина. Предыдущие по утрам обычно разыскивали утраченные носки, привлекая и меня к процессу поиска.

Я делаю маленький глоточек и вдруг понимаю, что у кофе вкус его поцелуев. А в памяти всплывает пруд, одинокая жемчужина на темном бархате рощи, струящийся отовсюду лунный свет, невесомая его вуаль на черных ветвях. И – звезды. Крупные, яркие. Голубые, янтарные, красные...

– Видимо, я еще сплю?

– Тогда я тоже сплю, – смеется Андрей.

– За сто двадцать лет ты научился соблазнять неискушенных девиц, – бурчу я.

– Согласись, что получилось недурственно? – он ныряет под одеяло, берет свою чашечку кофе.

Я блаженно жмурюсь, прижимаясь к нему. Ну надо же, все равно что ожившая античная статуя, когда-то я о таком и мечтать не смела.

– Да уж, – я все не могу оторваться от его волшебных глаз.

Не поймешь, то ли зеленые, то ли просто серые, то ли бирюзовые.

– Мне нужно ехать, – мягко шепчет он, тем самым разбивая иллюзию сказки, – но я вернусь вечером.

– Тебя ждут жена и семеро детей? – неудачно иронизирую я.

– Я не женат, – усмехается Андрей, – вот уже пятьдесят лет как я – вдовец.

* * *

До полудня я в пижаме слонялась по квартире. Лень одолевала; хотелось лечь на диван и предаться воспоминаниям о ночи у звездного пруда, а еще лучше – просто вздремнуть. Но вымуштрованный годами офисной работы организм протестовал, внутренние часики упорно отмеряли время. Вот сейчас, Валерия Ведова, настало время выпить чашечку чая с баранкой. А сейчас – выйти на балкон, подышать воздухом. И вообще, обед на носу, пора бы прогуляться...

И я сдалась. На больничном, конечно, хорошо, да отвыкла. Заняться бы делом, но каким? Взгляд невольно задержался на стеклянных стопках, которые мне подарили на какой-то из дней рождений со словами – чтоб каждый раз отмечать... Наверное, эти незамысловатые миниатюрные стаканчики мне никогда не нравились, видом своим напоминая о жадности коллег. И они оказались приговорены.

Я расставила их на журнальном столике, сама уселась на диван. В конце концов, должна же я хоть что-то уметь? Вот Андрей – я сладко потянулась – Андрей говорил, что умеет передвигать силой мысли даже тяжелые предметы. Значит, и я должна... Он, конечно, мне никогда не показывал, как именно могут летать кирпичи, но врать сто двадцатилетнему колдуну тоже не пристало.

Итак, стопка номер один.

Я принялась изо всех сил буравить ее взглядом, одновременно бормоча – «двигайся-двигайся-двигайся». Впрочем, это мы уже проходили в прошлый раз. Наверное, стоило попробовать и по другому – но фантазия буксовала, а в голове не всплывало ни единой здоровой мысли о том, как заставить посудину переместиться.

В прошлый раз... Да, в прошлый раз стопку я раздавила. Разозлилась, даже не думала о том, чтобы «взгляд обрел твердость и силу молотка», а она – дзыньк! – и готово. Но так было неправильно. Я же, в конце концов, не готовлю себя на роль ведьмы-разрушительницы! Мне всего-то и нужно, что сдвинуть с места одну стопочку...

В висках слабо тренькнуло. Первая ласточка приближающейся мигрени, чтоб ее. Выйти бы на балкон, подышать весенним воздухом – да балкон оккупировал голый призрак с петель на шее. Комната дрогнула, на миг перед глазами поплыло... Ох.

Я уставилась на столик, засыпанный мелким стеклянным крошечком. Ну и как мне справляться с собственным даром?! И как жаль, что рядом нет Андрея, сейчас бы потереться щекой о его колючий подбородок, и душевное спокойствие было бы мигом восстановлено... Я уныло смахнула осколки в мусорное ведро, плеснула на дно бокала коньяку и храбро распахнула балконную дверь. Здравсьте!

Разумеется, тут же материализовался прежний владелец квартиры, все как положено: на стульчике, с веревкой в руках. Он помигал на меня круглыми глазами, состроил хитрую рожу – вроде как шалун из детского сада, вознамерившийся напугать воспитательницу. Был он... весь бело-синий, как будто сбежал из морга... Только номерка на пальце ноги не хватало...

– Сгинь, – обронила я сквозь зубы, подвинула себе табуретку и уселась. Принялась разглядывать ствол большого тополя, который рос прямо за домом. Его крона давала тень, прикрывала мои окна от солнцепека – за что я очень любила это сильное и красивое дерево.

Призрак недовольно клацнул зубами, поскрипел стульчиком.

– Еще один звук – и я его выброшу. Навсегда, – пообещала я, а сама глотнула коньяка для храбрости.

– Тоже мне, – огрызнулся он, – небось поначалу полные штаны были!

Я попыталась облить его презрением, но, верно, получилось плохо, потому что призрак явно воодушевился.

– Думаешь, как ведьма, так уважения не нужно оказывать? Да я...

– Уважения?! – едва не поперхнувшись коньяком, я с изумлением уставилась на это посиневшее чучело, – ты хочешь, чтобы я тебя зауважала? Да кто уважает самоубийц?.. Нет, ну это же надо было быть таким дураком, чтобы самому в петлю влезть? И получил ты по заслугам! Застрял между мирами? Так тебе и надо!

– Да что ты знаешь, – он вдруг поник.

Затем отложил на пол веревку и уселся на детский стульчик, закинув ногу за ногу.

– Что ты знаешь о том, что меня привело в петлю? – повторил призрак, хлопая совиными глазищами.

– Знать ничего не хочу, – я залпом допила коньяк. По горлу покатила обжигающая волна, и храбрости заметно прибавилось, – только дурак лезет в петлю. А из любого безвыходного положения есть как минимум два выхода, понятно?

– Да ты... – растерянно промямлил он...

И начал таять. Как дымок – только в самое последнее мгновение этот дымок приобрел очень странную форму. На фоне застекленной рамы повисла целая надпись: не можешь с посудой, попробуй с людьми, дурак.

– Сам дурак, – механически отозвалась я.

Наверное, черт возьми, он меня начинал уважать. А там – может, еще и будет спрашивать разрешения, когда появляться, а когда – нет?

Но я все-таки решила попробовать. Вдруг на людях мой талант проявится в полной мере? А там – исцеление смертельно больных, наказание неверных мужей, снятие порчи... Что там еще ведьмы делают?

К тому же, погода стояла великолепная, а я совсем уже забыла, что такое просто выйти на прогулку. Как-то так получилось, что меня поглотила работа. Про других говорят – «его заел быт», а вот меня, наверное, с аппетитом пережевывала моя офисная деятельность. Работа-ночь-работа-ночь, и так всю жизнь, неделя за неделей. И не понимаешь, не чувствуешь, как это скучно и плохо – ровно до тех пор, пока судьба всемогущая не подкидывает подарочек в виде длительного больничного.

Я быстро нырнула в черную водолазку, такие же джинсы. Теперь куртку, длинный шарф – полосатый, яркий словно заграникомандировка, высокие ботинки... Последний взгляд в зеркало, легкое разочарование (ну где же, где же хваленая привлекательность ведьмы?) и – вниз по бетонным ступенькам. Туда, где солнце, свежее, умытое зимой небо, подсыхающие лужи на асфальте. Господи, как же давно я не выходила на улицу, чтобы просто побродить, поглядеть на пестрые витрины магазинов, обменяться парой сплетен с встреченной вдруг знакомой...

Оказалось, что на время «с девяти до шести» город вовсе не вымирал. И на улицах я увидела не только пенсионеров и детей. Мартовское солнце радовало гуляющую и бурлящую молодость. Девчонки в вызывающем мини, парни со странными прическами, солидные дамы с выводком детворы, бабульки с собачками, куда-то спешит приятный русоволосый паренек примерно моих лет...

И тут меня словно кто-то подтолкнул.

Попробовать на людях, говорите? А почему бы не приворожить сейчас... Вот этого, такого славного и на вид совершенно безобидного? Приворожить – а потом отпустить, не нужен мне никто, кроме Андрея на самом деле. Только попробовать... Еще не факт, что получится...

Я замерла, наблюдая за намеченной жертвой.

Молодой, симпатичный. Высокий и широкоплечий, атлет. Длинная темно-русая челка падает на лоб, на глаза – он то и дело проводит по волосам рукой. Стоит у газетного киоска, ждет, пока неторопливая старушка отсчитает сдачу. Что это мы за журнальчик покупаем? Ага, кажется «За рулем». Автолюбитель...

Я бесшумно подкралась к нему – самая обычная девчонка, которой тоже нужна свежая пресса. Ну, а дальше что? Схватить за руку и прореветь «повинуйся, жалкий смертный»? Глупости какие. Но что делать-то? что?!! Неужели и с людьми не получится?

Наверное, в тот миг дар мой решил проявить себя независимо от моей воли. А я – не увидела, скорее ощутила, как от моего сердца к спине парня медленно, оч-чень медленно тянется липкая ниточка. Паутинка, которую не разорвать, не разрезать...

Парень вдруг повернулся ко мне. Сам. Благородное лицо, кажется, даже не русский. На немца похож. Глаза – васильки, смеющиеся, загадочные.

– Привет, – сказал он, и мне в его голосе померещилось слабое удивление.

– Мы знакомы? – я попыталась улыбнуться в ответ, а сама все глядела в его синие глаза. Да, есть у меня дурацкая привычка – пытаться вот так понять человека...

– Еще нет, – весело сказал парень. С легким иностранным акцентом. – но я питаю надежду.

И вдруг... У меня внутри все рухнуло в ледяную бездну. Что же я делаю, а? У меня есть... Андрей. А у этого симпатичного мужчины наверняка есть любимая девушка. Разве можно... Вот так, не задумываясь, из интереса разбить их любовь?

Липкая паутинка замерла, так и не дотянувшись до цели, а затем, словно отпущенная резинка, с оттяжкой хлопнула меня по ребрам.

– Ой!

– Тебе нехорошо? – всполошился парень, – я могу?..

– Нет-нет, – я заторопилась прочь. Руки дрожали, зубы отчего-то начали выстукивать барабанную дробь, – я хорошо... хорошо себя чувствую.

– Ты такая красивая, – ляпнул он напоследок, мне в спину.

Я с кем-то столкнулась, больно ударилась плечом. Пробормотав извинения, кинулась вдогонку за троллейбусом, едва успела вскочить на заднюю площадку. Меня трясло, сердце выпрыгивало из груди. Черт, а? Чуть не вляпалась в неприятную историю с этим симпатягой. Зачем вообще мне это было нужно?..

Проехав остановку, я вышла. Зажмурилась на яркое солнце, долго дышала – глубоко-глубоко, пыталась успокоиться. А место, куда ударила «паутинка», начало побаливать. Нехорошо так, ноюще и – где-то внутри меня. Черт.

* * *

– Никогда так больше не делай, – мрачно попросил Андрей, – до тех пор, пока Дар не проявится в полной мере.

За окном плыл фиолетовый вечер, а мы лежали на диване, укрывшись теплым пледом, и поедали мороженое с фруктами.

– Не буду, – я с удовольствием потерлась о его колючую щеку, – сама не знаю, что на меня нашло.

– Ты не понимаешь, – он взъерошил мне волосы, – дело вовсе не в том, что тебе нельзя привораживать простых людей. Дело в том, что инициализация не завершена, и твой дар... совершенно непредсказуем.

– Да уж, – согласилась я.

Под ребрами побаливало, и это напоминало о том, как я чуть не сломала жизнь человеку.

– Ты даже убить кого-нибудь можешь, сама того не желая. Скажи-ка, ты больше ни на ком... не пробовала?

Я замотала головой.

– Вот и не надо. – Андрей зевнул, потянулся, – а то еще чтецы инквизиторов пожалуют... Только этого нам не хватало.

– Инвизиция знает о нас? Обо мне, о тебе? – в объятиях колдуна я чувствовала себя очень надежно. И защищено.

– Разумеется, знает. Тебе интересно, почему еще всех вольных не переловили?

– Ага.

– Ленятся, сволочи. Да и мы не лыком шиты... Но что до меня, Лерусь... не хотел бы я снова к ним попасть. Ни за что.

Он зевнул еще раз, отставил вазочку с мороженым и повернулся ко мне.

– Моя красавица, моя малышка, – я замерла под его прикосновениями. Легкое касание – а как много значит...

– Я за тобой соскучился, – уверенно заявил Андрей, – никогда так не тосковал, веришь?

...Утром я незаметно выскользнула из-под одеяла, босиком прошлепала на кухню. Сейчас... Десять минут, приготовлю кофе, две чашечки на поднос, бисквит на тарелочку... М-м-м... Что еще нужно для счастья? Наверное, только луну с неба. Но лично мне ни луны, ни звезд в неба не хотелось. Мне хватало того, что рядом со мной по-прежнему был самый-самый лучший мужчина на свете. Быть ведьмой не так уж и плохо, верно? И пусть даже незваное это колдовство, непрошенный гость в моей жизни.

Стукнула балконная дверь. Что, пошел покурить с утра пораньше? Ну-ну, дурная привычка, но такая уютная, домашняя...

– Милый, уже бегу, – я ловко водрузила на поднос чашки и блюдце с выпечкой, – бегу-у-у-у!

И остолбенела на пороге комнаты, потому что Андрея не было. Ни на диване, ни на балконе. В ванную проскользнуть он просто не мог, я бы заметила... Черт. И как это понимать? Одежда на спинке стула, а его нет...

Передвигаясь как деревянная кукла, я аккуратно опустила поднос на столик – не дай Бог кофе прольется. На негнущихся ногах подошла к балкону – нет, только не это... только не так!

– Что, получила? – ухмыльнулся призрак на скамеечке, но я пропустила колкость мимо ушей.

Зачем же... почему?...

Ну, сказал бы – у нас нет будущего, мы не созданы друг для друга. В конце концов, ты уродина и в подметки Инге не годишься. Но... вот так? Почему, почему?! По щекам потекли слезы. Обидно. Стыдно... Как девчонка, поверила в любовь с первого взгляда. Дура. Ведь надо было помнить о том, что эликсир любви нынче редок, а если и бывает, то каплями, а не бочками!

Внизу, по мартовской грязи, удирал Андрей, в трусах. Как призер чемпионата по коротким дистанциям.

За что мне это, а?

Ну нельзя же так, только потому что я не модель с обложки, а ему сто двадцать лет?

Я медленно повернулась и вошла в комнату, где все еще витал его запах. Вот он, конец сказки, иного и ждать... что?!!

Навстречу из коридора метнулось что-то темное, расплывчатое. Жесткий, безжалостный удар в грудь – и я уже на полу, перед глазами прыгают искры, судорога заставляет выгнуться дугой... Господи, хоть бы вздохнуть. За что, за что?!!

Потолок угрожающе потемнел. Тьма смыкалась кольцом, разевая хищную пасть, прищмокивая и предвкушая. А в светлом кругу, прямо надо мной, появилось мужское лицо. Кажется, я его уже видела однажды, но где?

– Допрыгалась, тварь, – проскрежетал чужой голос, – теперь сдохнешь!

И перед глазами лопнул огненный шар. Все.

– Андрей, – выдохнула я в накатывающую пустоту.

Сожалея. И презирая себя.

Андрей

Серый и сырой весенний день подходил к концу, сумрачной тенью ложась на перепавший волнами залив. У причала покачивался одинокий буксир, вдалеке, почти теряясь в подступающих сумерках, белел бок баржи. И – чайки, кажущиеся светлыми точками на графитовой воде... Но то внизу, если долго-долго спускаться по старым, местами крошащимся ступеням заброшенной лестницы. Здесь, *над морем*, шумели проезжающие машины, навязчиво тренькали мобильники, спешили куда-то люди и раздражающе подвывала певичка в ближайшем баре – ее даже видно, если приподняться на цыпочки и заглянуть в пыльное стекло.

Андрей оперся на широкие перила балюстрады и вновь уставился на море. На душе творилось примерно то же, что и на водах залива – грязных, взбаламученных и холодных.

«Что, пробежка по мартовской грязи босиком поднимает тонус?»

Он судорожно вцепился в шершавые перила, как будто мог их раздавить.

Да-а, утренние события шипом засели в сердце. А теперь оно, это никчемное, бестолковое сердце, исходило страхом и беззвучными рыданиями. Словно этим можно было что-то изменить.

«И что она теперь обо мне подумает?»

Андрей вздохнул. Поздно, батенька, пить боржоми. Нужно было вести себя по-человечески. С чистой совестью не бегут, можно было остаться и хотя бы узнать, что нужно проклятым законникам. Но вколачиваемый годами страх взял свое – противный, мерзкий, животный... Как будто, столкнусь Андрей с ними во второй раз, и ждало бы его нечто сто-крат худшее, чем просто смерть...

Он стиснул голову руками, яростно взглянул на какую-то дамочку с пуделем (она тут же предпочла ретироваться), полез в карман за телефоном.

«Ну, что ты ей теперь скажешь? Ах, прости, дорогая, просто так получилось?»

Дорогая...

Это слово вдруг показалось слишком избитым, банальным и залапанным миллионами равнодушных рук. Оно, слово это, совершенно не отражало суть происшедшего за последние дни и перевернувшего все существование циничного ведьмака.

И на самом деле он был готов отдать свою никчемную, нечеловечески длинную жизнь за женщину, оказавшуюся слишком чистой и прекрасной, но, но... Опять-таки, страх. Его никуда не денешь, не выбросишь, как дырявый носок. Он слишком глубоко засел в душе, за все эти годы.

А ведь, не вернись он с Ингой в ту ночь, ничего бы не случилось! Вообще ничего – ни сумасшедшего призрака на балконе, ни распростертой на полу девушки, которую можно было сравнить только с распускающимся цветком лотоса, ни сумасшествия, накатившего и накрывшего с головой, закрутившего в сладком водовороте. Пожалуй, единственной ложкой дегтя было Ингино ворчание о том, что, мол, ее изводят дурные предчувствия, которые неким таинственным образом связаны с Валерией. Но он намеренно пропускал их мимо ушей, стараясь хотя бы на время забыть о том, что Инга прежде всего провидец.

«Ну что, будешь просить прощения?» – он усмехнулся, листая список телефонных номеров.

Будет, еще как будет. На колени станет, только чтобы простила...

– Нет!!!

И невеста откуда взявшаяся Инга повисла на руке.

– Нет, не звони ей! Андрей, погоди, выслушай! – выпалила она в лицо, обдав запахом мартини.

Он глубоко вдохнул. Выдохнул, чтобы немного успокоиться и с ходу не отправить Ингу в нокаут. Все-таки женщину бить незачем, пусть даже и ведьма. Затем негромко спросил, удивляясь тому, каким хриплым стал голос:

– Что еще?

В душе собиралась, бурлила досада – и как это Инга подкралась совершенно бесшумно на своих высоченных каблуках? Неужели настолько задумался, что стал похож на токующего глухаря?

– Андрэ, – глухо пробормотала женщина, наконец отлепившись от него и смахивая назад гладкую челку, – пожалуйста, *не звони ей*.

– А я-то думал, ревность не для таких как ты.

– Ревность здесь не при чем, – заметила Инга, – ты прекрасно знаешь, что мы всегда были и будем только друзьями, так гораздо спокойнее.

Только сейчас Андрей осознал, что она выглядела какой-то взъерошенной, утратившей обычный лоск, в стареньком черном пальто... С чего бы?

– Я весь город исколесила, Андрэ. Тебя искала, а ты вот где... Не звони своей Лерке, взяли ее.

– Вместо меня?

Инга опустила глаза.

– Не думаю, Андрэ, не думаю. Кое-кто мне уже рассказал, что операция готовилась специально по ее душу, а это значит...

Телефон выпал из разжавшихся пальцев. Но... как такое могло случиться?

– Это значит, что *там* кто-то очень сильно заинтересовался твоей Лерой, – быстро договорила Инга и умоляюще посмотрела в глаза, – не звони ей больше, Андрэ. Ей уже не поможешь, но себя хотя бы не гробь раньше времени. Ты ведь знаешь, что будет, если опять попадешься? Помнишь ведь, что в твоём случае все не просто, а? Сколько нераскрытых убийств они могут на тебя повесить?

Он быстро отвернулся, лишь бы не видеть белого лица ведьмы, которое стремительно расплывалось в подступающей темноте. Валерия, не дорогая, но любимая... Что такого *они* могли найти в тебе? Что плохого вообще могла сделать ведьма, еще не дошедшая до финальной стадии инициализации?

Андрей с трудом осознал, что Инга что-то говорит ему, успокаивающе глядя по рукаву.

– Что-то происходит в городе, Андрэ. Говорят, были убийства, но никто не говорит, сколько и где. Еще... говорят, что все это дело рук одного человека, вернее, ведьмы.

– Это невозможно, – прошептал он, – она не могла...

– Никто из нас не знает, что она могла, а что нет, – отрезала Инга, – пожалуйста, пойдем домой. Черт тебя побери, Андрэ, ты же знаешь, что я хотя бы пытаюсь заботиться о тебе!

– Тебе не хватает детей, – выдохнул он.

Наклонился и поднял чудом уцелевший мобильник.

– Возможно, – скривилась Инга.

Когда призраки правы

Свои ошибки признавать по меньшей мере неприятно. Еще более неприятно становится, когда осознаешь – а ведь посиневший самоубийца с балкона оказался прав, все-таки существуют безвыходные положения, из которых выход один. Классический, петлю на шею или бритвой по венам. Н-да. Из каменного мешка размером два на два не сбежишь. Дверь – металлическая, с настоящим тюремным окошечком, глухие стены. Под потолком нервно помигивает и потрескивает круглая люминесцентная лампа.

... Я с трудом уселась на полу, обхватила себя руками за плечи, чтобы немного согреться. По позвоночнику один за другим пробежали сполохи боли, и точно также дергало под ребром. Как же так, а?

Кто-то приволок меня сюда, в этот карцер, кто-то передел в рубаху из грубого льна – тут из горла вырвался нервный смешок – кажется, в таком же платице разгуливала несчастная Малика, которая... хотела предупредить меня, уберечь от беды...

В голове одна за другой поплыли истории о том, как маньяк держал в плену девушек, как они жили в подземелье... Стоп.

Кажется, здесь совсем другое. И рубашечка эта, с длинной шнуровкой по горловине... Значит, все-таки инквизиция? Но почему? Андрей утверждал, что они смотрят на нас сквозь пальцы. К тому же, я еще не сделала ничего такого, за что меня могли схватить. Или сделала? Господи, а если позвонит мама, а меня нет дома? А если – что еще хуже – она решит меня проведать, а дверь квартиры будет распахнута и внутри погром как после обыска?

А в ту, последнюю ночь... Мне снилось что-то неприятное. Кажется, кровь. Много крови, прямо-таки потеки на стенах, как будто скотину забили. Я дергалась, металась как мотылек в паутине, пытаюсь выкарабкаться из кошмара, но ничего не получилось, и сон как-то быстро забылся. Может, все это было на самом деле?

Мысли путались. Я сидела и методично обгрызала ногти, все еще пытаюсь сообразить, как выбраться из этой тюрьмы.

Как? Ха! Никак. Призрак был тысячу раз прав. Бывают ситуации, из которых выход только один. Но я же не хочу... И потом, Андрей...

Тут я не выдержала и заплакала. Еще не успело померкнуть воспоминание о том, как мой возлюбленный прыгнул с третьего этажа и рванул прочь от моего дома. Выходит, он меня предал? А может, и вовсе лгал? А может... он сам что-нибудь натворил, а меня подставил?

Ох, нет. Андрей не способен на такую подлость – но откуда тебе, Лерка, знать, на что способен субъект ста двадцати лет от роду? Ты была с ним знакома несколько дней, втрескалась по уши как десятиклассница...

Я взвыла. И вцепилась в собственные волосы. Идиотка... Доверчивая идиотка и легкая добыча. Самый настоящий Вареничек, как тебя любит величать Танюха. Но она ведь любя... И, на самом деле, это чистая правда.

...А мои родители, а Танька? Как же они? Вдруг они начнут меня разыскивать?

Слепо уставившись на железную дверь, я раскачивалась из стороны в сторону, как будто это могло помочь. Во рту плавала горечь вперемешку с кровью из прокушенной губы. Позвоночник дергало, как больной зуб – и точно также болело в подреберье. Остаток неудавшегося приворота. Вот дура-то.

Что-то заскрежетало, и я запоздало связала этот тянущий нервы звук с поворотом ключа в замочной скважине. Так *они* и нашли меня – сидящей на полу, зарезанной и судорожно кусающей ногти.

* * *

Теперь другая комната. Такая же серая, без окон, но пол деревянный, широкие некрашенные доски. Посередине широкий стол и два табурета по разные стороны. На потолке – все та же люминесцентная лампа, круглая как луна.

Я сонно вслушиваюсь в шелест бумаг на столе. Я устала, я так устала... Хочется спать. Хочется все забыть, проснуться и никогда не слышать самого слова «ведьма». Но от реальности не убежишь, и поэтому я тупо слежу за движениями загорелых мужских рук. Нет, это не Эрик. Его, кажется, зовут Михаил – и он ведет допрос.

– Итак. – руки уверенно ложатся на листы с моим делом.

Я сонно гляжу на Михаила, а сама размышляю о том, что ему не место в этом подвале. Его бы в гавайскую рубашку да к стойке бара, потому что внешне Михаил – ну вылитый Джеймс Бонд в исполнении Пирса Броснана. Да-да, ему самое место в фильме «Умри но не сейчас»! Господи, что за бред...

– Валерия Ведова. Вы обвиняетесь в убийстве семи смертных...

– Сколько?..

– Семь, – ярко-голубые глаза смотрят на меня, не мигая.

И я начинаю съеживаться, мне хочется стать дымом и просочиться куда-нибудь... в вентиляцию. Для сумасшедшего ведь стать дымом – вполне возможно.

– Это неправда, – брякаю я первую пришедшую на ум банальность, – я не...

– Чтецы обнаружили на жертвах ваши ментальные следы, Валерия. Дальше будете отпираться или сами расскажете? Дело в том, что для проведения формальной процедуры нам необходимо получить признание. А вот *как* мы его получим...

– Я не убивала, – шепчу я, – я никого не убивала!

– Вам бы сотрудничать с нами, – укоризненно говорит Михаил и начинает вновь листать дело, – расскажите, зачем. Почему вы убили их? Семеро за один вечер – это слишком...

– Я дома была. Дома!..

– То, что вы пребывали дома, еще не есть доказательство невинности. А вот ментальный след, который нас и привел... к вам – прямое доказательство вины. Рассказывайте, Валерия. А я слушаю.

– Я... не...

– Вам должно быть известно, – усмехается Михаил, – что раньше... много раньше инквизиция была не слишком разборчива в средствах извлечения показаний из ведьм. Чего вы добиваетесь?

Я молчу, смотрю на его руки. Смотреть в глаза – не могу. Нет сил.

– Не вынуждайте нас идти на крайние меры, – предупреждает Михаил, – подпишите признание.

– А что будет дальше?

– Вам вынесут приговор. Как правило, при таком количестве жертв приговор один.

– Казнь?

– Это быстро. И теперь – благодаря нашим новым разработкам – совсем безболезненно, – он в упор смотрит на меня, – подпишите, Валерия. Вам зачтется.

– Я ничего... не подпишу, – пальцы сами отбрасывают лист мелованной бумаги, – ничего!

– Подпишите, – он спокойно начинает складывать документы в папку, – еще как подпишете.

Бедные мои... Мамочка. Папа. Танька. Как они... без меня-то? Как вообще самая обыкновенная Лерка могла попасть в этот кошмарный бред?

Я не сопротивляюсь, когда меня берут под руки два высоченных парня с черных масках. Мы долго идем по серому и безликому коридору с круглыми лампами на потолке. Снова дверь, скрежет ключа в замочной скважине... А затем – ослепительная белизна медицинского кабинета. Меня укладывают на койку и крепко привязывают ремнями. Откуда-то выходит врач – все, как положено. Халат, маска, высокая шапочка. Сверкает игла одноразового шприца, укол в вену. Бедные вы мои. Как вы... без меня?

* * *

Для счастья, оказывается, нужно мало. Всего лишь, чтобы отпустило, чтобы вкололи что-нибудь нейтрализующее предыдущий препарат.

Я непонимающе заморгала на круглую лампу, затем – на удовлетворенное лицо Михаила. Господи, да они тут все... садисты проклятые!

– Валерия Ведова, для вашего же блага, подпишите.

– Никогда.

Я и не думала, что когда-нибудь сорву голос от крика. А вот получилось – теперь хриплю, как во время сильной простуды.

– Тогда нам придется повторить процедуру, – холодно обронил Михаил.

– Вы... не сможете меня казнить, пока я не подпишу? – просипела я.

– Но вы же подпишете, – снисходительно улыбнулся Пирс Броснан, – не сомневайтесь, подпишете.

...И он, конечно же, оказался прав. Не знаю, сколько времени прошло, сколько раз я ныряла в озеро раскаленного свинца, сколько раз выныривала, чтобы выплюнуть «да пошел ты». А потом все вдруг сделалось тусклым и ничего не значащим. Меня отвязали, сунули ручку – и я вывела закорючку на листе бумаги. Мой собственный смертный приговор.

Михаил начал складывать описание моего дела, а я все лежала на белоснежной кушетке, и не замечала, что носом идет кровь и пачкает безукоризненную простыню. Где-то стукнула дверь, Михаил на секунду отвлекся от своего занятия.

– А, это ты? Ну проходи. Мы уже закончили, обвиняемая во всем созналась.

– Почему меня так поздно известили? Семь жертв. Чересчур для едва прорезавшегося Дара.

Я невольно вздрогнула. Ну конечно, стервятники слетаются на вечерний пир! Будьте вы прокляты, все-все.

– Не видел необходимости, – последняя бумага легла в картонную папку, Михаил туго затянул тесемки, – суд состоится завтра в полдень, тебе придется присутствовать. А там – езжай, куда собирался.

– Когда состоится казнь?

В поле моего зрения появились знакомые часы. Я всхлипнула и попыталась отвернуться, только чтобы не видеть...

– Соответственно, на следующий день.

– Хорошо.

О, если бы я могла... напоследок вцепиться зубами в эту ненавистную руку! Или выцарапать глаза – черные и блестящие – которые внезапно оказались напротив моих, покрасневших и слезящихся... Но любое движение стало еще большей пыткой, не знаю, что за дрянь в меня влили. Я захрипела, судорожно дернулась, все еще пытаюсь бежать, хотя бы отодвинуться на другой край жесткой лежанки... Ненавижу! Ух, как же я тебя ненавижу... Так бы и раздавила, как стеклянные стопки на столе – только вот не получается. Все куда-

то делось, даже разозлиться как следует не могу, получается только вяло ненавидеть. Тьфу. Прямо снулая рыба какая-то. Что они мне кололи?

Эрик быстро выпрямился, и я снова могла созерцать часы «Радост».

– Михаил, – голос прозвучал неожиданно сухо, – я бы не торопился с выводами. Кроме того, вы нарушаете наши правила, не оповестив о поимке преступницы совет. Что до меня – так я не верю в то, что какая-то девчонка растерзала семерых здоровых мужчин.

– У нас ее ментальный след, Эрик.

– Его можно подделать. Истории известны случаи создания простых копий, которые распространялись и на вызываемых сущностей.

– Погоди-ка, погоди-ка! – Михаил даже папку отложил, – может, расскажешь, кто из ныне живущих на это способен? Уж не ты ли?

На мгновение в комнате повисло молчание. Недоброе, напряженное.

– К чему мне это, Миша?

– А мы ведь не знаем, сколько тебе лет, Эрик. Никто из нас не знает. Может, ты еще раз решил омолодиться, а?

– Занятная гипотеза, – Эрик хмыкнул, – ладно, дело ваше. Увидимся на суде.

Он вдруг наклонился ко мне, несколько мгновений пристально вглядывался в лицо – словно что-то искал. Может быть, следы раскаяния? Я только скрипнула зубами и, сжав волю в кулак, отвернулась. Будьте вы прокляты. По позвоночнику дернула раскаленная проволока, но я зажмурилась и даже не пискнула – только не при нем, не при нем...

* * *

Потом я снова очутилась в камере. Стало темнее, то ли свет приглушили, то ли я начала слепнуть – но какая разница? Лежа безвольной кучкой в углу, я сонно разглядывала угол двери, побитый ржавчиной. Ай-ай, нехорошо, господа инквизиторы, недоглядели.

Думать не получалось, мысли путались. Я то и дело проваливалась в далекое и доброе детство, когда папа и мама кажутся самыми сильными и красивыми на свете, а мир вокруг – большим и солнечным. И нет в нем места смерти, нет. А сам себе кажешься вечным, старенький дедушка уходит на небо, и оттуда непременно радуется моим успехам.

Но даже вечность, к сожалению, проходит слишком быстро. Очень скоро меня не станет... Станные ощущения, непонимание происходящего. Как же так? Мир без меня? Разве такое бывает?

«Не забыть о последнем желании», – прошептала я, – «не забыть...»

Чтобы мои родители никогда не узнали, как именно я погибла. Пусть... эта свора садистов и убийц как-нибудь устроит видимость аварии. Несправедливо погибнуть в аварии, но это – случайное стечение обстоятельств, или – если верить – судьба. Все лучше, чем обивание порогов с требованиями найти и наказать убийц.

В том, что последнее желание будет выполнено, сомнений не было. На то оно и последнее, чтобы стать самым ценным. Вроде завещания...

Наверное, я начала бредить. Рядом, на корточках, сидел Андрей и что-то говорил, поглаживая меня по щеке. Зачем он здесь? После того, как сбежал... После того, как бросил меня на растерзание палачам?

– Я тебя вытащу. Обязательно, – он взял мою руку в свою, – не беспокойся. Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Тебя не может здесь быть, – язык плохо меня слушался, из горла вместо слов выползали сдавленные хрипы.

– А меня здесь и нет, – Андрей нервно передернул плечами, – но мы можем с тобой говорить. Я сбежал, потому что почувствовал инквизицию, Лера. Прости, но я не мог позволить, чтобы они взяли и меня.

Ха! Мой идеал мужчины говорит, что испугался и улизнул, оставив свою принцессу на съедение волкам. Как занятно, Боже мой. Какой жуткий бред...

– Я, оказывается, убила семерых.

Он даже отпрянул.

– Лер... Это что, правда?

– Не знаю... Уже не знаю... – я прикрыла глаза. Душным мешком наваливался сон, веки налились тяжестью, и лицо Андрея начало плыть.

– Лерка, ты не могла никого убить, – в наш диалог протестующе ворвалась Инга.

Любопытно, как это у них получается со мной говорить? Нет, все-таки я продолжаю бредить, а роскошная шевелюра цвета дикой вишни – галлюцинации, плод расстроенного рассудка.

– Не знаю, – прошептала я, – может, и могла.

Под ребрами, там, где засел не дошедший до цели приворот, словно ржавым гвоздем провернули. Я взвыла – но сон как рукой сняло. Интересно, это тоже их рук дело?..

– Лера, не сдавайся, – зудел в ушах голос Андрея, – Я тебя люблю, Лерусь. Все будет хорошо.

Любишь? Но почему тогда бросил?..

На мгновение мне захотелось ему поверить, затем я вновь соскользнула в уютное детство – а выныривая в сумрак камеры вдруг поняла, что уже не одна.

У двери, прислонившись к стене, черным идиолом замер Эрик. Только часы на руке поблескивали в неверном свете, и лицо... Лицо показалось мне тусклым, серым. Неживым, что ли...

– Почему ты сбежала из моего дома? – негромко поинтересовался он и шагнул ко мне, – почему, почему?!!

* * *

– Не подходи, – я судорожно зашарила руками по полу, пытаюсь найти точку опоры и подняться, – не...

Тело плохо слушалось, напоминало больше куль ваты. Пальцы без костей, руки мягкие, безвольные. Но я успела все же приподняться, совсем чуть-чуть – а затем в мои плечи впились жесткие ногти инквизитора.

– Почему? – рявкнул он мне в лицо, – если бы ты не сбежала тогда, ничего бы этого не было! Зачем ты сбежала? ЗА-ЧЕМ?!!

С минуту он тряс меня как куклу, а затем вдруг отпустил. Но я – и откуда только силы взялись – начала подниматься, опираясь о холодную стенку спиной. Уж что-что, а напоследок валяться в ногах у палачей? Нет уж. Не позволю себе такой роскоши.

Эрик молча следил за моими маневрами, а в черных глазах опасно сверкало бешенство. Наверное, оно передалось и мне – злость придает сил, даже когда их нет.

– Ты никого не убивала, так?

– У вас есть мои показания, – прохрипела я, – зачем пришел? Тебе мало моей подписи?

Он скрестил руки на груди. Нас разделял всего шаг, и будь у меня при себе хоть что-нибудь... Господи, да кого я пытаюсь обмануть? Меня ноги не держат, а я собралась драться с мужчиной.

– Я тебя спрашиваю, – голос Эрика упал до громкого шепота, – ты невиновна?

– Мои показания...

– Не паясничай! Герой из тебя отвратительный, ясно? – и снова его пальцы больно впились в плечи, – лучше отвечай на мои вопросы. Немедленно!

Тогда я рассмеялась. Расхохоталась, глядя в полубезумные глаза инквизитора. Черт, не нужно было подбирать его в той роще, пусть бы его сожрал... демон, или кто там был...

– Ничего... вы от меня... больше не получите!

И у меня вдруг получилось вырваться из его рук. А затем – просто чудненько! – мои ногти оставили четыре глубоких борозды на гладко выбритой щеке мучителя.

– Дура, – спокойно констатировал Эрик, промокая кровь черным рукавом свитера, – жить тебе надоело?

– А что ты сделаешь? – я хрипло хихикнула, – что?! Все, что мог... ты уже... сделал... Убирайся вон, ясно? Жертва не желает... тебя видеть!

Дальше... колени подогнулись, и я начала медленно сползать по стене. А потом вдруг оказалась буквально втиснутой в эту самую стену, да так, что не могла и шевельнуться. Эрик держал мои запястья, и больно прижался лбом к моему лбу. Я зашипела, дернулась раз, другой, пытаюсь освободиться – бесполезно. Силы стремительно утекали как вода сквозь решето. Господи, Лерка, это ж надо было? После пыток еще ругаться...

– Прекрати, – сквозь зубы процедил Эрик, – сама виновата. Не нужно было...

– Ты это и Малике говорил? – у меня даже получилось усмехнуться, а он, он... вздрогнул, как будто от удара. Но меня не выпустил.

– Откуда ты знаешь?

– Я ее видела. В ту ночь.

– А, так вот что тебя испугало? Что она наговорила про меня?

– Не много, но достаточно, – я обозленно пыталась пнуть его ногой, – хорошо же ты ее кнутом разукрасил!

– А она тебе случайно не рассказала, как сварила и съела младенца?

Я озадаченно умолкла. Прикосновения Эрика вдруг стали горячими, лоб жгло, словно я прислонилась к чайнику.

– Вижу, что об этом она умолчала, – издевательски заметил Эрик, – какая забывчивость. А еще она не упомянула одну интересную деталь. О том, что была сожжена как ведьма три сотни лет назад... Ты видела призрака, ясно?

– От... пусти... – выдохнула я. Перед глазами все поплыло, ноги давно отказались держать – и я попросту висела в руках разъяренного инквизитора.

– А, теперь отпусти? Нет, моя дорогая. Сейчас я еще... должен кое-что проверить, чтобы утвердиться в своем подозрении. Не возражаешь?

Я и пикнуть не успела, как он выпустил мое правое запястье и свободной рукой принялся меня бесцеремонно ощупывать. Так, словно я была капустой на базаре... А подбородок мой неожиданно оказался прижатым к твердому плечу – ни головой повертеть, ни укунить, в конце концов.

– Да пошел ты... – хрипло каркнула я, – Оставь! Меня! В покое!

– Будешь командовать своими дружками, – хищно усмехнулся Эрик, невозмутимо продолжая свое занятие.

Жесткие пальцы скользнули по груди, на миг замерли там, где у меня побаливало... И вдруг перед глазами потемнело от невыносимой, рвущей на части боли. Я даже не поняла, что Эрик зажал мне ладонью рот и осторожно опустил на пол.

Все. Осмотр, похоже, окончился.

И, пока я с хрипом хватала воздух, Эрик задумчиво потирал ладони.

– Крепко же он тебя держит, – тихо сказал инквизитор, – тем лучше. И тем хуже для него.

Для него? Это еще что за новости?..

Слезы хлынули из глаз, я отвернулась к стенке, съежилась. Господи, стать бы дымом, улететь в небо.

«А ведь очень скоро ты и так последуешь туда...»

И тут же – «я люблю тебя, Лерусь». Андрей, Андрей. Что же вы со мной... сделали? За что? Зачем? Так просто было... жить человеком. И никогда ведь не желала я какого-то там особенного дара...

Я не увидела, почувствовала, как рядом на корточки присел инквизитор.

– Кажется, мне сопутствует удача, – задумчиво сказал он.

– Кто... меня держит?..

– А тебе какая разница?

– Это же мое... тело...

Но он так и не ответил. Тихие шаги – и тяжелый, ржавый стук двери. Я снова была одна, впереди меня ждала только казнь.

...И я ошиблась. Снова. Не прошло и пяти минут, как опять скрипнула дверь, на сей раз интригующе тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.